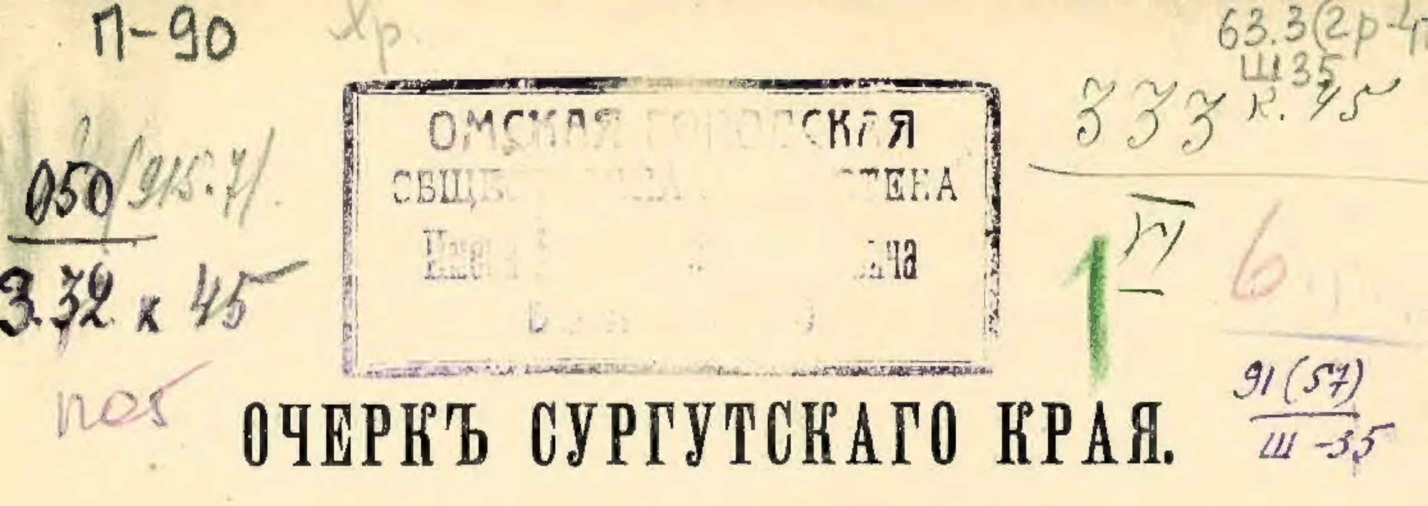

1253428
КФ
63.3
Ш35
Тюмень Швецов С. П.
Очерки Сургутского края
63.3 Ш-35

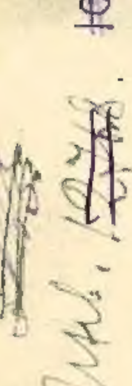

ОЧЕРКЪ СУРГУТСКАГО КРАЯ.

I.

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ ГОРОДА И ОКРУГА.

Пространство округа и характеръ природы.—Климатъ, орошеніе, почва.—Сравнительное богатство, представляемое округомъ.—Населеніе, его племенной составъ и численность.—Мѣстоположеніе города Сургута и его внѣшній видъ.—Городское населеніе.—Физическія особенности сургутянъ—внѣшній видъ, сила, ростъ и проч.—Происхожденіе сургутянъ-казаковъ, ихъ историческія преданія.—Нѣкоторыя особенности Сургута, какъ города.—Отношеніе къ нему мѣстнаго населенія и жителей сосѣднихъ округовъ.

На сѣверо-востокъ отъ Тобольска по обоимъ берегамъ Оби раскинулся громаднѣйшій Сургутскій округъ. Пространство, занимаемое имъ,—около 192,000 квадр. верстъ—представляетъ дикую, почти безлюдную мѣстность, въ различныхъ направленіяхъ прорѣзанную большими многоводными рѣками и покрытую тысячами озеръ и топкихъ болотъ, мѣстность, въ южной части поросшую непроходимыми дѣвственными лѣсами, а въ сѣверной образующую не менѣе непроходимую, но голую, лишь мхомъ да мелкой порослью прикрытую, тундру. Границами округа служатъ: Тобольскій и Березовскій округа съ юго-запада, запада и сѣверо-запада, Туруханскій округъ Енисейской губерніи съ сѣвера и востока и, наконецъ, Томскій (Нарымскій край) и Тарскій съ юго-востока и юга.

Климатъ въ описываемомъ краѣ чрезвычайно суровый. Зимніе холода наступаютъ съ конца сентября, рѣже съ половины октября и прекращаются лишь въ маѣ; случается, что зимою, нѣсколько недѣль сряду стоятъ морозы не менѣе 40° R., двадцати-градусные-же считаются чуть не оттепелью. Рѣзкіе сѣверо-восточные

вѣтры дѣлаютъ сургутскій холодъ окончательно нестерпимымъ, убійственно дѣйствующимъ на непривычнаго человѣка.

Восьми-девяти-мѣсячная зима круто смѣняется теплымъ и сырымъ лѣтомъ. Послѣднему обстоятельству, т.-е. сырости лѣта способствуютъ сильнѣйшіе разливы орошающихъ округъ рѣкъ Оби и ея притоковъ—*Ваха*, *Агана*, *Пима*, *Югана* и *Салыма*. Всѣ эти многоводныя рѣки со своими многочисленными и громадными притоками въ весеннее время выступаютъ изъ береговъ и затопляютъ окрестности на сотни верстъ, и эта полая вода держится иногда до конца іюля; озера и болота также разливаются отъ снѣговой воды. Все это, вмѣстѣ взятое, превращаетъ округъ мѣсяца на $1^1/_2$—2, какъ-бы въ сплошное болото и трясину. Понятно, что такое обиліе водъ не можетъ остаться безъ вліянія на влажность сургутскаго лѣта. Сырость и миріады комаровъ и мошекъ, наполняющихъ воздухъ и причиняющихъ невыносимыя страданія людямъ и домашнимъ животнымъ, дѣлаютъ сургутское лѣто далеко не пріятнѣйшимъ временемъ года. Не смотря на то, что скованную за зиму морозами землю довольно сильно печетъ солнышко (термометръ поднимается до 20—30°R.) почва, тундро-болотистая, мѣстами песчаная, никогда не оттаиваетъ глубже одного—трехъ фут.

Мы сказали выше, что южная часть округа покрыта лѣсами. Какъ ни громадны и ни величественны эти лѣса (правильнѣе сказать, лѣсъ, такъ какъ онъ тянется сплошной полосой съ запада на востокъ, нигдѣ не прерываемый), но они не отличаются разнообразіемъ древесныхъ породъ. Изъ лиственныхъ, насколько намъ извѣстно, встрѣчается лишь береза, да и та хорошо ростетъ въ болѣе южныхъ частяхъ округа—южнѣе теченія Оби; изъ хвойныхъ-же повсемѣстно распространены: кедръ, лиственница, мѣстами пихта, преобладающими-же породами являются сосна и ель.

Сургутскій лѣсъ, „урманъ", какъ его называютъ, это настоящая сибирская тайга, величавая и мрачная, въ которую никогда не проникала нога сколько-нибудь культурнаго человѣка дальше двухъ—трехъ десятковъ верстъ отъ поселенія, гдѣ лишь изрѣдка попадаются, и опять-таки въ ближайшихъ къ селеніямъ мѣстахъ, едва примѣтныя охотничьи тропинки.

Помимо богатства, представляемаго урманомъ, какъ лѣсомъ, котораго при самомъ хищническомъ и неразумномъ пользованіи хватитъ на многіе и многіе десятки лѣтъ, его сокровища заключаются въ дорогомъ пушномъ звѣрѣ, въ птицѣ, пухъ и перо которой также высоко цѣнится, и въ красной рыбѣ, которой изобилуютъ глубокія воды Оби и другихъ рѣкъ. Въ сургутской тайгѣ водятся лисица, соболь, выдра, россомаха, бобръ (послѣдніе годы, впрочемъ, рѣдко встрѣчается), песецъ, рысь, медвѣдь, волкъ, бурундукъ, бѣлка, горностай, сохатый, дикій олень и пр.; изъ птицъ здѣсь въ изобиліи найдете рябчиковъ, куропатокъ, различныя породы тетеревовъ, лебедей, гусей, гагъ, утокъ, журавлей и т. д.; изъ крупныхъ и дорогихъ породъ рыбы назовемъ осетра, нельму, шокура, сырка, стерлядь, тальмень и др. Все это въ чудовищныхъ размѣрахъ населяетъ тайгу, ея болота, озера и рѣки и служитъ приманкой для человѣка.

Какъ на особенности мѣстной флоры и фауны, можно указать на почти полное отсутствіе ягодъ—мы, по крайней мѣрѣ, не встрѣчали ничего, кромѣ брусники и морошки, да и то въ ничтожномъ количествѣ,—грибовъ также мало; изъ птицъ здѣсь нѣтъ такихъ обычныхъ для болѣе южныхъ мѣстностей птицъ, какъ воробей, ласточка, галка; нѣтъ также и никакихъ пѣвчихъ птицъ, что придаетъ урману особенно унылый и мрачный характеръ.

Дикъ и непривѣтенъ Сургутскій край. Въ немъ все сурово, печально, угрюмо, хотя грандіозно и величественно: суровъ климатъ, угрюма и таинственна молчаливая тайга, непривѣтны необозримыя пространства водъ. Холодомъ и уныніемъ вѣетъ отъ этого далекаго края, но этотъ холодъ не холодъ могилы—повсюду замѣтны проявленія жизни, дикая, могучая природа заключаетъ въ себѣ неисчерпаемыя богатства, только, какъ-бы нарочно, для лучшаго охраненія своихъ сокровищъ отъ жадности человѣка, она приняла суровыя, неприступныя формы. Чтобы побѣдить природу и завладѣть этими сокровищами, нужна желѣзная энергія, выносливость и закаленность въ борьбѣ съ препятствіями и лишеніями. Какъ мы уже сказали, сокровища края состоятъ въ великолѣпныхъ строевыхъ лѣсахъ, дорогомъ звѣрѣ и рыбѣ и при мало-мальски

разумной эксплуатаціи, этому изобилію природы, поистинѣ, конца краю не будетъ!

Такова въ общихъ чертахъ природа описываемаго края. Обратимся теперь къ людямъ, его населяющимъ.

Не смотря на громадность территоріи Сургутскаго округа (площадь его въ *три раза* превышаетъ площадь Германіи и въ *пять* разъ площадь Италіи), населеніе его до крайности ничтожно—едва достигаетъ до $6^1/_2$ тысячъ, не считая города, или *одинъ* человѣкъ приходится на *295 кв. верстъ*. Въ племенномъ отношеніи населеніе округа раздѣляется на двѣ части: меньшинство, всего нѣсколько сотъ душъ, русскіе крестьяне, вся остальная масса—остяки; къ русскимъ причисляютъ обыкновенно и потомковъ отъ браковъ между русскими и остяками. Городское-же населеніе почти сплошь русское—едва ли найдется 5—10 семей метисовъ, по крайней мѣрѣ, недавняго происхожденія.

Какъ русскіе, такъ и остяки, разселились въ округѣ по теченію Оби и ея притоковъ. Исключеніе составляютъ нѣсколько остяцкихъ юртъ, разбросанныхъ вдали отъ рѣкъ, въ глубинѣ страны, на озерахъ. Русскіе крестьяне живутъ селами и деревнями; первыхъ въ округѣ пять: Саліарское, Ломпаковское и Локасовское на Оби, Юганское на Юганѣ и Ларьятское на Вахѣ; деревень всего три. Остяки обитаютъ частью въ тѣхъ-же селахъ и деревняхъ—это наиболѣе обрусѣвшіе и усвоившіе болѣе или менѣе образъ жизни русскихъ крестьянъ,—но, главнымъ образомъ, по юртамъ, которыхъ насчитываютъ до 200.

Почти въ центрѣ населенной части округа, на правомъ возвышенномъ берегу Оби пріютился городъ Сургутъ. По картѣ его мѣстоположеніе между 61° и 62° с. ш.

Непривлекательна наружность городка: на небольшой, очищенной отъ лѣса песчаной площадкѣ разбросано нѣсколько десятковъ деревянныхъ домишекъ, большею частью старыхъ, почернѣвшихъ отъ времени; на самомъ берегу, почти надъ обрывомъ прилѣпилась бѣдная и ветхая, немного покачнувшаяся церковь. Съ трехъ сторонъ городокъ, какъ стѣной, окруженъ вѣковымъ хвойнымъ лѣсомъ, и лишь одна сторона свободна отъ него—внизу, далеко

подъ горой катитъ свои мутныя, холодныя волны угрюмая красавица Обь, образуя нѣсколько низменныхъ островов; водная даль разстилается на десятки верстъ, и другой берегъ, поросшiй лѣсомъ, едва обозначается синеватой лентой. Видъ Оби изъ города очень величественъ, но угрюмъ и дикъ, какъ и все вокругъ.

На свѣжаго человѣка, еще незнакомаго съ сибирскими захолустьями, Сургутъ производитъ впечатлѣнiе убогой, всѣми забытой, затерявшейся въ лѣсу деревушки. Это впечатлѣнiе затерянности еще усиливается отсутствiемъ грунтовыхъ дорогъ: для сургутянина и лѣтомъ, и зимою одна дорога—его широкая, богатая рѣка[1]), по которой въ лѣтнiе мѣсяцы онъ ѣздитъ въ лодкахъ, зимою на лошадяхъ и оленяхъ; весною-же и осенью, съ наступленiемъ распутицы, всякое сообщенiе Сургута съ внѣшнимъ мiромъ прекращается, и тогда-то особенно онъ принимаетъ до крайности гнетущiй видъ чего-то жалкаго, убогаго, закинутаго въ лѣсную трущобу на край свѣта.

Населенiе города малочисленно: по оффицiальнымъ даннымъ оно равняется 1200 душамъ об. пола, въ дѣйствительности-же и эта цифра преувеличена, такъ какъ нѣкоторая часть обывателей „разбѣжалась", по мѣстному выраженiю, въ разные концы обширной Сибири. Неособенно рѣдки случаи, что сургутянинъ, разъ выѣхавши зачѣмъ-нибудь въ Тобольскъ, Томскъ или на прiиски, уже никогда не возвращается домой, устраивая себѣ гнѣздо гдѣнибудь вдали отъ своей суровой родины. Другiе являются только подъ старость умирать домой—это неудачники, отставшiе отъ собственнаго дома и не смогшiе по какимъ-либо причинамъ устроиться на чужбинѣ.

Выше мы уже упоминали о племенномъ составѣ городскаго населенiя, громадное большинство котораго состоитъ изъ русскихъ, и только нѣсколько семей принадлежатъ къ чистымъ представителямъ другихъ нацiональностей: семья евреевъ (ссыльные), два—три

---

[1]) Недавно, впрочемъ, по распоряженiю мѣстнаго начальства, проложили грунтовую дорогу на Бѣлый Яръ—пароходную пристань въ 14 вер. отъ города. Но эта дорога для города не имѣетъ никакого значенiя, и мѣстные жители ею не пользуются.

поляка и нѣсколько остяковъ и остячекъ. Но „русскихъ" сургутянъ въ свою очередь надо раздѣлить на двѣ части: на дѣйствительно русскихъ, т.-е. такихъ, которые сохранили внѣшность, языкъ и обычаи своихъ собратьевъ, населяющихъ Россію и Сибирь, и если въ чемъ поотстали, то неособенно сильно, съ одной стороны, и съ другой,—русскихъ, представляющихъ смѣсь русскаго типа съ остяцкимъ и происшедшихъ отъ смѣшанныхъ браковъ съ остяками, потомковъ обрусѣвшихъ крестьянъ и окончательно обостячившихся русскихъ крестьянъ. Благодаря общему складу жизни въ Сургутѣ, носящему довольно замѣтный отпечатокъ инородческаго вліянія, такое различіе въ составѣ населенія не бросается сразу въ глаза, и подмѣтить его можно лишь при болѣе внимательномъ и близкомъ знакомствѣ съ сургутянами; первое-же впечатлѣніе, притомъ довольно долго удерживающееся, получается болѣе или менѣе однородное и, говоря откровенно, не совсѣмъ выгодное для сургутянъ—впечатлѣніе помѣси русскаго съ остякомъ.

Низкій ростъ, приземистость и невзрачность всей фигуры, напоминающей скорѣе медвѣдя, чѣмъ представителя кавказской расы—вотъ физическія особенности, свойственныя всему населенію. Черты лица сургутянина неправильны и рѣзки, развитыя скулы, широкій, некрасивый ротъ, узкіе глаза безъ выраженія, или, пожалуй, съ выраженіемъ придурковатости—все это дѣлаетъ его видъ неособенно привлекательнымъ, не говоря уже о грязи, толстымъ слоемъ покрывающей голову, лицо и руки многихъ изъ нихъ. Не смотря на кажущуюся кряжистость, сургутяне не отличаются силой, проворствомъ и ловкостью, но за то крайне выносливы, „двужильны", по народному выраженію. Кстати, скажемъ два слова и о наружности различныхъ представителей населенія округа. Крестьяне по внѣшнему виду значительно разнятся отъ городскихъ мѣщанъ-казаковъ: они много здоровѣе, какъ-то шире въ кости, видна бо̀льшая сила, лицо и вся фигура дышатъ мощью и энергіей. Тяжелая борьба, которую имъ приходится постоянно вести съ окружающей природой, борьба, сопряженная съ опасностями и лишеніями, оставила замѣтный отпечатокъ на всей фигу-

рѣ сургутскаго крестьянина, хотя неуклюжей, но мощной. Черты лица также рѣзки, какъ и у горожанъ, если еще не рѣзче и некрасивѣе. Полнѣйшую противоположность крестьянину представляетъ остякъ. Фигура этого несчастнаго дикаря съ перваго взгляда поражаетъ своей крайней невзрачностью и забитостью. Увидавъ въ первый разъ остяка, вы сразу чувствуете, что передъ вами представитель вырождающагося, исчезающаго племени. Остякъ роста скорѣе низкаго, чѣмъ средняго, въ плечахъ довольно широкъ, но съ впалой грудью; руки длинны и какъ-то безжизненно, точно плети, висятъ вдоль туловища; лицо грязно-сѣраго цвѣта, скуластое, съ широкимъ ртомъ, тонкими блѣдными губами; темные, мертвенно-тусклые и вѣчно гноящіеся глаза прорѣзаны довольно косо; носъ широкій, приплюснутый; жесткіе черные волосы, похожіе на конскіе, густыми, никогда нечесанными космами спадаютъ на лицо и плечи; растительности на лицѣ никакой. По лицу женщины ничѣмъ не отличаются отъ мужчинъ, развѣ еще большимъ безобразіемъ. Къ этому надо присовокупить еще невозможную грязь, присущую всѣмъ остякамъ. Живущіе по р. Ваху остяки производятъ лучшее впечатлѣніе: они выше ростомъ, здоровѣе и не имѣютъ такого пришибленнаго, пригнетеннаго вида.

Въ сословномъ отношеніи сургутяне также не представляютъ сплошной массы: все коренное населеніе дѣлится на два общества—большее мѣщанское, въ составъ котораго входятъ бывшіе сургутскіе казаки, нѣсколько человѣкъ мѣстныхъ торговцевъ и потомки уголовныхъ ссыльныхъ, и такъ называемое крестьянское общество, незначительное по численности, къ которому принадлежатъ крестьяне, переѣхавшіе изъ деревень, обрусѣвшіе и не обрусѣвшіе остяки и опять-таки уголовные ссыльные и ихъ потомки.

Тогда какъ крестьяне и коренные мѣщане не сохранили никакихъ преданій о своемъ происхожденіи, мѣщане-казаки [1]) ведутъ свою родословную непосредственно отъ казаковъ, пришедшихъ въ

[1]) Сургутская казачья команда уничтожена, если не ошибаюсь, въ 82 году. Большинство казаковъ приписалось къ мѣщанскому обществу; ничтожное же меньшинство въ 10—15 человѣкъ, большей частью, юная молодежь, пожелало выселиться въ другія казачьи войска.

Сибирь и завоевавшихъ ее вмѣстѣ съ Ермакомъ; имъ-же они приписываютъ и основаніе своего города для болѣе удобной борьбы съ буйными и непокорными въ то время остяцкими племенами, что, конечно, въ общихъ чертахъ согласуется съ историческими фактами. Нѣкоторые-же, въ минуту откровенности и самобичеванія, чаще всего послѣ хорошей выпивки, прибавляютъ, что въ числѣ ихъ предковъ были не только добрые молодцы изъ вольницы Ермака, но и другіе молодцы—бродяги, каторжники, съ рваными ноздрями и клеймами, пригонявшіеся сюда изъ другихъ мѣстностей Сибири. На сколько правы эти самообличители, судить не беремся.

Изъ другихъ историческихъ фактовъ, кромѣ завоеваній Ермака, казаки-мѣщане сохранили воспоминаніе объ остяцкомъ князькѣ Бардакѣ, имя котораго носитъ рѣчушка, впадающая въ Обь у самаго Сургута, да о возстаніи остяковъ противъ русскаго владычества и тѣхъ жестокостяхъ и казняхъ, которыя слѣдовали за подавленіемъ мятежныхъ дикарей. Но и эти воспоминанія очень смутны и отрывочны. Мы говоримъ здѣсь вообще объ историческихъ воспоминаніяхъ, существующихъ у сургутанъ, у отдѣльныхъже лицъ, преимущественно стариковъ, вѣроятно, сохранились они въ болѣе цѣльномъ и полномъ видѣ. Между прочимъ, многіе сургутяне могутъ указать мѣсто, гдѣ была юрта князя[1]), и другое, гдѣ совершались казни остяковъ. Къ воспоминаніямъ сравнительно недавняго времени слѣдуетъ отнести разсказы многихъ жителей о двухъ декабристахъ, бывшихъ въ Сургутѣ въ ссылкѣ, изъ которыхъ одинъ застрѣлился, да объ одномъ полякѣ-повстанцѣ 30-го года, погибшемъ въ Ларьятской тундрѣ, но провѣрить эти разсказы мы не имѣли возможности.

Прежде, чѣмъ закончить общую бѣглую характеристику Сургута и его округа, мы считаемъ не лишнимъ для полноты картины остановиться нѣсколько подробнѣе на нѣкоторыхъ сторонахъ этого оригинальнаго города.

Человѣку новому, впервые попавшему въ Сургутъ, невольно бросается въ глаза отсутствіе такихъ правительственныхъ учреж-

[1]) Тамъ и теперь еще видны слѣды земляной насыпи въ формѣ кольца, охватывающаго пространство въ нѣсколько сажень.

деній и зданій, которыя у всякаго неразрывно связываются съ представленіемъ о русскомъ городѣ, безъ которыхъ послѣдній кажется если не прямо невозможнымъ, то во всякомъ случаѣ курьезнымъ и оригинальнымъ. Къ такимъ учрежденіямъ, отличающимъ городъ отъ деревни, несомнѣнно относятся городское управленіе, судъ, казначейство и т. п.; сюда-же приходится причислить, къ сожалѣнію, и острогъ. Между тѣмъ, въ Сургутѣ ничего этого нѣтъ, полиція да почтовое отдѣленіе—вотъ, кажется, и всѣ присутственныя мѣста города. Городскую думу замѣняетъ мѣщанская управа; всѣ-же дѣла, неимѣющія прямаго отношенія къ полиціи и мѣщанской управѣ, вѣдаются въ подлежащихъ учрежденіяхъ Тобольска. Не рѣшимся сказать, чтобы сургутяне чувствовали отъ этого большое неудобство; по крайней мѣрѣ, относительно суда и острога они прямо заявляютъ, что въ нихъ ни мало не нуждаются, ибо никакихъ преступленій у нихъ не бываетъ (объ этомъ см. ниже), и поэтому судить у нихъ не кого, а если съ кѣмъ и случится грѣхъ какой, попутаетъ нечистая сила, то дѣло можно разобрать и въ Тобольскѣ, гдѣ есть и суды, и тюрьмы. Не ощущается также большой потребности и во введеніи городоваго положенія, да и содержать думу и городское управленіе, какъ стоющія, сравнительно говоря, довольно дорого, рѣшительно не на что: намъ пришлось видѣть мѣстный оффиціальный отчетъ за 80-й г., по которому всѣ городскіе доходы исчислены въ 400 рублей. Понятно, тутъ не до городоваго положенія.

Разсадниками просвѣщенія служатъ двѣ школы, мужская и женская. Послѣдняя уже нѣсколько лѣтъ стоитъ съ заколоченными дверьми и окнами, ибо обыватели не находятъ нужнымъ поддерживать ее своими средствами, основатель-же ея нѣкто Туполевъ, мѣстный житель, содержалъ школу на свой счетъ лишь въ первые годы ея существованія. Немногимъ лучше и положеніе мужскаго училища: оно хотя и не считается закрытымъ, но случается, что по нѣсколькимъ мѣсяцамъ, даже по году, занятія въ немъ не производятся; въ нашу бытность въ Сургутѣ, напримѣръ—въ 80—81 г.—дѣти посѣщали школу всего мѣсяца два, остальное время на школьной двери висѣлъ замокъ, и такіе перерывы—дѣло

обычное. Въ 82 году зданіе школы было даже сдано подъ квартиру частнымъ лицамъ. Ниже намъ придется еще говорить о причинахъ, обусловившихъ такое паденіе дѣла образованія въ Сургутѣ.

Упомянемъ еще о больницѣ Приказа общественнаго призрѣнія. Она устроена на двѣнадцать кроватей, имѣется при ней и аптека, и врачъ съ фельдшерами; но она не пользуется популярностью среди населенія, и больныхъ въ ней почти никогда не бываетъ, такъ какъ горожане предпочитаютъ лечиться у разныхъ знахарей, остяцкихъ шамановъ и пр. Изъ округа-же иногда лежатъ въ ней остяки, преимущественно страдающіе сифилисомъ, но и они попадаютъ сюда не по собственному желанію, а только вслѣдствіе особыхъ распоряженій мѣстной власти, случайно натолкнувшейся на больнаго инородца.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи къ Сургуту мѣстныхъ жителей и населенія сосѣднихъ округовъ, Тобольскаго и Тарскаго.

Отношеніе сургутянъ къ своей родинѣ не одинаково. Тѣ изъ нихъ, которымъ удалось побывать въ иныхъ болѣе привлекательныхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Тобольскѣ или Тюмени (не говоримъ уже о Томскѣ, который представляется сургутянамъ чѣмъ-то сказочнымъ по своему богатству и великолѣпію),—смотрятъ на Сургутъ и все сургутское съ нескрываемымъ презрѣніемъ, пожалуй, даже съ враждой; ихъ уже не удовлетворяетъ все мѣстное, кажется дикимъ, смѣшнымъ, они и на себя начинаютъ смотрѣть, какъ на нѣчто высшее въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, чѣмъ ихъ земляки, не бывавшіе дальше Березова. Имъ душно и тѣсно въ Сургутѣ, ихъ неудержимо тянетъ вонъ изъ него, туда, гдѣ, по ихъ мнѣнію, жизнь кипитъ. Часто они такъ и поступаютъ—при первой возможности покидаютъ свою родину, чтобы никогда уже не возвращаться обратно; но этотъ выходъ, конечно, не всякому доступенъ.

Совершенно иное отношеніе къ своей родинѣ наблюдается у тѣхъ обывателей, которымъ не приходилось бывать далеко. Мы не беремъ въ разсчетъ Березова, гдѣ рѣдкій взрослый сургутянинъ не бывалъ, ибо это тотъ-же Сургутъ. Эти, а они составляютъ де-

вять десятыхъ населенія, страстно любятъ и свои непролазныя болота и урманъ, и свой убогій городишко, для нихъ Сургутъ если и не рай земной, то все-же одно изъ самыхъ привлекательныхъ мѣстъ земнаго шара. Всякое критическое или просто шутливое замѣчаніе о достоинствахъ ихъ города встрѣчается ими съ величайшей непріязнью и раздраженіемъ. Вообще этого сорта сургутяне, особенно женщины, крайніе патріоты въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова, заскорузлые и нетерпимые, съ которыми тяжело, а подъ часъ и невозможно вести какое-нибудь болѣе или менѣе живое дѣло, по крайней мѣрѣ, на насъ они произвели такое впечатлѣніе.

Жители сосѣднихъ округовъ относятся къ сургутскому краю и его обитателямъ довольно опредѣленно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣзко отрицательно. Сургутъ, по ихъ мнѣнію, „гиблое мѣсто", ничего больше. Извѣстная доля истины въ этомъ выраженіи несомнѣнно есть, къ сожалѣнію. Впрочемъ, и они признаютъ за Сургутомъ одно положительное качество: ловкому человѣку нажиться тамъ легко.

Обратимся къ занятіямъ сургутскихъ жителей.

II.

ЗАНЯТІЯ НАСЕЛЕНІЯ.

Общія замѣчанія о занятіяхъ сургутянъ: развитіе промысловъ, отсутствіе земледѣлія.—Связанныя съ промыслами формы пользованія различными угодьями—лугами, лѣсами, рыболовными песками.—Скотоводство.—Орѣховый промыселъ.—Ловля птицы.—Рыболовство.—Звѣроловство.—Заготовка дровъ на пароходы.

Характеръ занятій сургутскаго населенія всецѣло опредѣляется общимъ характеромъ природы края и степенью культурнаго развитія самихъ сургутянъ. Суровый климатъ и особенности почвы дѣлаютъ невозможнымъ занятіе земледѣліемъ[1]). Между тѣмъ, окру-

[1]) Лѣтъ 12—15 назадъ въ с. Юганскомъ производились опыты хлѣбопашества, ранѣе такія-же попытки дѣлались вблизи города, но все безуспѣшно.

жающіе лѣса, болота и рѣки, какъ мы видѣли, богаты всякимъ звѣремъ, птицей, рыбой, и населеніе, естественно, прежде всего обратило свои взоры именно въ эту сторону и промысловыя занятія стали главнымъ родомъ дѣятельности, главной основой его существованія.

Прежде, чѣмъ обратиться къ подробному описанію главнѣйшихъ народныхъ промысловъ, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить формы пользованія покосами, лѣсами и другими угодьями.

Урманъ, доставляющій мѣстнымъ жителямъ въ неограниченныхъ размѣрахъ строевой лѣсъ, дрова, пушнину, орѣхъ и проч., считается ничьимъ, Божьимъ. Однако, пользованіе небезусловно свободно, но ограничивается рядомъ постановленій и правилъ, относящихся главнымъ образомъ къ кедровникамъ[1]) и къ отдѣльнымъ кедровымъ деревьямъ, попадающимся въ урманѣ. Познакомимся съ этими ограниченіями, выработанными мѣстнымъ обычнымъ правомъ.

Какъ строевой, такъ и болѣе мелкій лѣсъ—жердникъ, дозволяется всѣмъ рубить безпрепятственно, кореннымъ жителямъ и пришлому человѣку безразлично, въ неограниченныхъ размѣрахъ, но при этомъ ставится одно требованіе: *зря не рубить кедра.* Кедромъ можно пользоваться для какихъ-нибудь хозяйственныхъ подѣлокъ—изъ него изготовляются оконныя рамы, косяки, полы и др., но отнюдь не дозволяется рубить его на дрова, въ кедровникахъ-же не допускается порубка и на подѣлки, исключая сухопостоя, но особенно строго запрещается и преслѣдуется порубка съ цѣлью обобрать шишки, что дѣлается исключительно по-лѣни, изъ нежеланія долго возиться надъ „околачиваніемъ“ шишекъ, о чемъ будетъ ниже. Попавшійся въ нарушеніи этого требованія подвергается жестокимъ истязаніямъ. По словамъ мѣстныхъ жителей, бывали случаи, когда за подобныя продѣлки виновныхъ тутъ-же, на мѣстѣ преступленія, вѣшали на первой попавшейся лѣсинѣ, раздѣтымъ до нага привязывали къ деревьямъ и оставляли въ такомъ положеніи на съѣденіе комарамъ и муравьямъ и т. п. Особенной

[1]) Кедровниками, иначе кедровыми островами называются такіе участки лѣса, гдѣ преобладающей или исключительной породой является кедръ.

суровостью и жестокостью въ этомъ отношеніи отличаются остяки. Вслѣдствіе-ли боязни навлечь на себя жестокое мщеніе со стороны своихъ родичей, или въ силу глубокаго сознанія грѣховности такого поступка, сознанія, которымъ проникнуты очень многіе, но этого рода нарушенія обычнаго права встрѣчаются крайне рѣдко. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ пользованіе кедровниками свободно.

Столь строгая регламентація въ пользованіи кедромъ и столь суровыя взысканія, налагаемыя на ослушниковъ, станутъ вполнѣ понятными, если мы скажемъ, что кедровый промыселъ, т.-е. сборъ кедроваго орѣха, является однимъ изъ главныхъ источниковъ, доставляющихъ средства существованія, какъ русскимъ, такъ и остякамъ, и что всякое уменьшеніе доходности этого промысла тяжело отзывается на карманѣ сургутскаго жителя.

Таковъ порядокъ пользованія лѣсомъ для порубки и для сбора орѣховъ у горожанъ и русскихъ крестьянъ. У остяковъ-же мы наблюдаемъ нѣсколько иную форму владѣнія лѣсами, именно общинно-родовую. Всѣ лѣса, которыми пользуются остяки, подѣлены между отдѣльными родами, а родовые участки въ свою очередь раздѣлены между семьями остяковъ. Межевыми знаками служатъ рѣки, камни, ручьи, озера, болота, ямы и проч., граней-же, бороздъ или межъ нѣтъ. Каждый вновь возникшей самостоятельной семьѣ родовой сходъ выдѣляетъ участокъ изъ общей собственности, при чемъ иногда происходятъ уравнительные передѣлы участковъ. Въ предѣлахъ своего участка каждая остяцкая семья пользуется лѣсомъ для порубокъ и орѣхомъ, въ нихъ-же занимается звѣроловствомъ и ловлей птицы. Переходить для промысла на чужой участокъ запрещено. Бѣлка, заяцъ, горностай и всякій другой звѣрь, кромѣ крупныхъ хищныхъ, убитый на чужомъ участкѣ, по обычному праву остяковъ, принадлежитъ не охотнику, а владѣльцу участка; звѣрь, убитый на границѣ двухъ участковъ, дѣлится пополамъ между охотникомъ и владѣльцемъ сосѣдняго участка—или дѣлятъ шкуру пополамъ, или одинъ беретъ шкуру, а другой—мясо. Медвѣдей, волковъ предоставляется бить безпрепятственно, на чьемъ-бы участкѣ они ни попались. Благодаря обилію лѣса и проистекающей отсюда величинѣ надѣльныхъ участ-

ковъ, между семьями не бываетъ столкновеній изъ-за обладанія тѣмъ или инымъ кускомъ лѣса. Участки носятъ обыкновенно названія: „островъ такихъ-то остяковъ", „урочище такихъ-то" и т. п. Кедровники остяки часто сдаютъ въ аренду сургутскимъ и тобольскимъ торговцамъ за ничтожную плату.

Таково въ общихъ чертахъ правовое отношеніе населенія къ кедровникамъ. На практикѣ-же, обыкновенно, каждая артель русскихъ промышленниковъ изъ года въ годъ посѣщаетъ одинъ и тотъже островъ, оставляя его изрѣдка для другаго исключительно вслѣдствіе плохаго урожая орѣховъ въ данномъ мѣстѣ. Чрезвычайное обиліе кедровыхъ лѣсовъ и незначительность населенія, пользующагося ими, заставляютъ сургутянъ снисходительно относиться къ отступленіямъ отъ правилъ.

Ниже намъ придется подробно говорить о звѣроловствѣ и ловлѣ птицы и о значеніи этихъ промысловъ для населенія, потому теперь мы остановимся на нихъ лишь настолько, насколько они оказываютъ вліяніе на формы пользованія у русскаго населенія тѣми участками лѣса, въ которыхъ производятся.

Каждый сургутянинъ-звѣроловъ, деревенскій или горожанинъ безразлично, имѣетъ въ лѣсу свои „слопцы"—обычныя ловушки для зайцевъ и тетеревовъ, переходящіе по наслѣдству на началѣ полной личной собственности отъ отца къ сыну, а вмѣстѣ съ слопцами переходитъ къ сыну и право исключительнаго пользованія тою частью лѣса, гдѣ они расположены. На первый взглядъ можетъ показаться, что тутъ мы встрѣчаемся съ принципомъ личнаго пользованія лѣсомъ, но это далеко не такъ, по крайней мѣрѣ, основа этого явленія совершенно иная, нежели въ принципѣ личной собственности на землю. Сургутянинъ, владѣющій слопцами, считается собственникомъ *только* слопцовъ, но отнюдь не лѣса, въ которомъ они поставлены, и на который постановка слопцовъ, какъ *извѣстная затрата труда*, даетъ данному лицу лишь право пользованія до тѣхъ поръ, пока стоятъ и дѣйствуютъ слопцы. Разъ они почему-либо заброшены, или перенесены куда-нибудь, всякій желающій имѣетъ право на ихъ мѣсто поставить свои слопцы. Здѣсь мы видимъ тотъ самый принципъ трудоваго начала,

съ которымъ въ иной формѣ встрѣчаемся, напримѣръ, въ Тюкалинскомъ округѣ въ отношеніи пашни: затратившій трудъ на расчистку и обработку пашни тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ право на временное пользованіе ею, срокъ котораго зависитъ уже отъ другихъ условій—количества удобныхъ земель въ данномъ крестьянскомъ обществѣ и проч. Слопцы, помимо передачи по наслѣдству, могутъ также быть проданы и сданы въ аренду—послѣднее, впрочемъ, имѣетъ мѣсто лишь въ городѣ.

Птицеловъ, прорубившій для „перевѣса" просѣку (см. объ этомъ ниже), тоже имѣетъ право на исключительное пользованіе ею. Просѣки тоже переходятъ отъ отца къ сыну, также продаются и сдаются въ аренду; иногда встрѣчаются и ограниченія въ правѣ дѣлать просѣки и другія порубки вблизи чужихъ просѣкъ. Такъ, съ годъ назадъ горожане постановили не рубить новыхъ просѣкъ и вообще не производить никакихъ порубокъ въ такъ называемомъ береговомъ островѣ, потому что такія порубки и просѣки наносятъ вредъ тѣмъ, кто ранѣе устроилъ здѣсь просѣки. За каждое нарушеніе этого правила взимается опредѣленный штрафъ. Здѣсь мы уже видимъ проявленіе власти общины, направленное къ огражденію интересовъ своихъ членовъ.

Городъ, каждое село, деревня, юрта имѣетъ свои рыбныя ловли—рыболовные пески. У русской части населенія пользованіе песками опять-таки имѣетъ своимъ основаніемъ право перваго захвата, съ тою разницей, что тутъ представителями принципа захвата являются уже не отдѣльныя лица, а цѣлыя общества, деревня, напримѣръ. Пески, принадлежащіе деревнѣ, находятся въ пользованіи всѣхъ ея членовъ. Мы не знаемъ случаевъ принадлежности рыбныхъ ловель на правѣ полной частной собственности кому-либо изъ мѣстныхъ жителей. Порядокъ пользованія рыбными песками у остяковъ общинно-родовой, какъ и въ отношеніи лѣса. Благодаря громаднымъ разстояніямъ, отдѣляющимъ одно поселеніе отъ другаго, обладаніе тѣми или иными песками не вызываетъ споровъ и ссоръ между жителями различныхъ деревень.

Многія остяцкія общества сдаютъ свои ловли въ аренду тобольскимъ купцамъ и нѣкоторымъ крестьянамъ-рыбопромышлен-

никамъ с. Самаровскаго и другихъ поселеній Сургутскаго округа, причемъ сдаются самые лучшіе рыболовные пески, славящіеся богатѣйшимъ уловомъ рыбы. Сдавая ихъ, остяки далеко не всегда руководствуются тѣмъ соображеніемъ, что у нихъ находятся лишнія, ненужныя имъ самимъ удобныя для лова мѣста—чаще всего въ этомъ играетъ главную роль крайняя нищета остяковъ, неимѣніе собственныхъ рыболовныхъ снастей и другихъ необходимыхъ принадлежностей промысла, вообще невозможность собственными силами эксплуатировать находящіяся въ ихъ рукахъ богатства. Та-же безвыходная нищета заставляетъ остяковъ наниматься въ работники къ рыбопромышленникамъ и закабаляться имъ.

Съ давнихъ поръ въ жизни сургутскаго населенія скотоводство занимаетъ довольно видное мѣсто. Отсюда естественно вытекаетъ, что населеніе также съ давнихъ поръ стало обращать серьезное вниманіе на луга и выгоны и для пользованія ими выработало извѣстныя правила, признаваемыя всѣми.

Выгонами для рогатаго скота, а также и покосами чаще всего служатъ низменные, затопляемые иногда весеннимъ разливомъ, острова, во множествѣ образуемые Обью. Въ самомъ Сургутѣ, напримѣръ, подъ выгонъ отведенъ довольно большой островъ, расположенный въ $1^1/_2$—2 верстахъ отъ города. Съ наступленіемъ лѣта сюда на лодкахъ перевозится весь крупный и мелкій рогатый скотъ и остается здѣсь до поздней осени, когда пастьба прекращается за холодомъ. Островъ считается общей собственностью всего городскаго населенія. Каждый обыватель, коренной сургутяпинъ или временный житель города все-равно, имѣетъ право, наравнѣ со всѣми, на извѣстное участіе въ пользованіи, т.-е. можетъ выгнать сюда весь свой скотъ, какъ-бы его много ни было, ничего никому не платя за это. Такъ, нѣкоторые временно-проживающіе въ Сургутѣ торговцы, не участвующіе въ несеніи податей и повинностей, лежащихъ на мѣщанахъ, пользуются выгономъ наравнѣ съ послѣдними. Пастуха, разумѣется, не держатъ, ибо на островѣ скотинѣ не можетъ угрожать никакая опасность ни со стороны звѣря, ни со стороны лихихъ людей. Два раза въ день каждая хозяйка ѣздитъ на островъ для подоя и такимъ образомъ имѣетъ

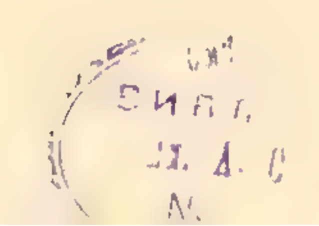
возможность присматривать за своимъ скотомъ.

Весною, когда, вслѣдствіе разлива или по инымъ причинамъ, на островъ еще нельзя переправить скотъ, мѣстомъ выгона служитъ сосѣдній лѣсъ, и хотя тутъ коровъ и особенно телятъ часто рѣжетъ звѣрь, сургутяне не предпринимаютъ никакихъ мѣръ для охраненія скота: не нанимать-же пастуха на недѣлю, на двѣ, говорятъ они.

Лошадей весной также сбиваютъ въ одинъ общій табунъ и угоняютъ въ урманъ верстъ за 10—20 и болѣе, смотря потому, гдѣ въ данномъ году хорошо уродились травы. Въ табунъ также всѣ могутъ безплатно гнать своихъ лошадей: лѣсъ и луга общіе, Божьи, слѣдовательно, каждый можетъ ими пользоваться, насколько того требуютъ его хозяйственныя нужды.

Пользованіе покосами захватное, какъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Тобольской губерніи. Порядокъ захвата и такъ называемаго закашиванья мало чѣмъ отличается отъ господствующаго въ южныхъ округахъ—Ишимскомъ и Тюкалинскомъ и такъ недавно еще описаннаго гг. Капустинымъ и Петропавловскимъ въ ихъ статьяхъ „о сибирской земельной общинѣ". Главное отличіе состоитъ въ томъ, что, вслѣдствіе гораздо большаго изобилія свободныхъ луговъ, сравнительно съ потребностью въ нихъ населенія, въ описываемомъ краѣ закашиванье не сопровождается такими печальными, подъ часъ кровавыми столкновеніями изъ-за обладанія лучшимъ кускомъ покоса. Здѣсь покосовъ хватаетъ на всѣхъ, и еще цѣлая масса хорошихъ мѣстъ остается никѣмъ не тронутою. Въ этомъ, кстати сказать, кроется причина другого отличія отъ южныхъ порядковъ: въ то время, какъ на югѣ пользоваться покосами обыкновенно дозволяется лишь членамъ общины, здѣсь это право предоставлено каждому, нуждающемуся въ сѣнѣ. Сѣнокошеніе длится здѣсь со второй половины іюля до глубокой осени— бываетъ, что работаютъ въ лугахъ еще въ то время, когда уже падаетъ осенній снѣгъ, предвѣстникъ близкой зимы.

Выше мы уже сказали, что въ самомъ Сургутѣ скотоводство занимаетъ довольно почтенное мѣсто въ ряду другихъ занятій, дающихъ населенію средства къ жизни. Болѣе всего держать

крупный рогатый скотъ: въ рѣдкомъ домѣ нѣтъ двухъ—трехъ коровъ, не считая телятъ; есть-же и богатые дворы, въ которыхъ имѣется десять и болѣе головъ. Домъ безъ коровы—очень рѣдкое исключеніе, въ своей основѣ всегда имѣющее какое-нибудь несчастье въ семьѣ домовладѣльца, въ корень подорвавшее домашнее хозяйство. Почти столько-же держатъ лошадей, мелкаго-же скота значительно меньше: во многихъ домахъ совсѣмъ нѣтъ овецъ, свиней-же и того меньше—онѣ имѣются только у двухъ—трехъ богатѣевъ. У одного—двухъ хозяевъ найдутся домашніе олени, употребляемые для ѣзды.

Въ селахъ и деревняхъ скотоводство играетъ гораздо меньшую роль, нежели въ городѣ. Домашній скотъ имѣется только у русскихъ крестьянъ; остяки-же держатъ—болѣе богатые немного оленей для ѣзды, бѣднота—собакъ. Болѣе точныхъ данныхъ о размѣрахъ скотоводства мы, къ сожалѣнію, не можемъ привести, такъ какъ не рѣшаемся основываться на оффиціальныхъ данныхъ, зная способъ ихъ собиранія. Коровы въ Сургутѣ обыкновенной мелкой породы, повсемѣстно встрѣчающейся въ Тобольской губ. и отличающейся развѣ только еще меньшей молочностью, что находится въ непосредственной связи съ плохимъ качествомъ травъ, которыя, не смотря на тщательное выжиганіе луговъ, жестки и мало питательны. Между прочимъ, сургутскій скотъ часто кормятъ соленой рыбой, что въ неурожайные на травы годы служитъ значительнымъ подспорьемъ. Вообще на скотѣ, какъ и на людяхъ, замѣтно вліяніе мѣстныхъ особенностей природы и климата.

Лошади служатъ исключительно для зимнихъ работъ—возки лѣса, сѣна, ѣзды на промыселъ, перевозки рыбы, мѣховъ и орѣха въ с. Самаровское, иногда-же и въ Тобольскъ и пр. Лѣтомъ-же лошади ни въ какую работу не употребляются, такъ какъ въ это время года ихъ вполнѣ замѣняетъ лодка: на ней сургутянинъ отправляется и на покосъ, и на промыселъ, а въ случаѣ надобности, на ней-же съѣздитъ и въ деревню, Тобольскъ или Березовъ. Лошади, какъ и прочій скотъ, простой породы, не отличающейся большой силой, но за то онѣ выносливы и вполнѣ приспособились къ суровости мѣстнаго климата: во всякое время года, не смотря

на страшные зимніе морозы и жестокіе бураны, онѣ находятся подъ открытымъ небомъ, и никакихъ помѣщеній для защиты ихъ отъ холода и вѣтровъ не строятъ. Коровъ и мелкій скотъ зимою держатъ въ мшеныхъ хлѣвахъ.

Въ то время, какъ большинство населенія страдуетъ, т.-е. заготовляетъ на зиму сѣно для скота, часть мужчинъ, наиболѣе сильныхъ и ловкихъ, отправляется на промыселъ въ урманъ „орѣшить"— собирать кедровый орѣхъ.

Для болѣе успѣшнаго веденія этого промысла, какъ и для рыболовства, сургутяне собираются въ небольшія артели человѣка по три—четыре и больше. Слово „артель", на сколько мы знаемъ, въ Сургутѣ неизвѣстно, члены-же такого временнаго промысловаго соединенія называются товарищами; вмѣсто „вступить въ артель", говорятъ—„пойти въ товарищи". Такія артельныя или товарищескія соединенія составляются на одно лѣто, на время одного промысла, по окончаніи котораго артель сама собой распадается. На слѣдующій годъ товарищество промышленниковъ формируется вновь, при этомъ иногда составъ артели остается прежнимъ или лишь немного видоизмѣняется. При образованіи такихъ товариществъ принимаются во вниманіе главнымъ образомъ личныя симпатіи вступающихъ въ артель и сосѣдство, хотя не послѣднюю роль играютъ и соображенія относительно ловкости собирающагося на промыселъ, его смѣлости и товарищеской честности—чтобы вынесъ путешествіе, не бросилъ товарища въ опасности, и проч.

Самый промыселъ въ общихъ чертахъ производится слѣдующимъ образомъ. Промышленники-товарищи заранѣе запасаются одеждой, провизіей, табакомъ, чаемъ и прочими необходимыми принадлежностями промысла и приготавливаютъ узкіе, длинные холщевые мѣшки, а также пару—другую особаго устройства желѣзныхъ когтей, на подобіе тѣхъ, которые употребляются въ телеграфномъ вѣдомствѣ, только болѣе грубой, первобытной конструкціи. Во второй половинѣ іюля артель отправляется на промыселъ чаще всего на лодкахъ вверхъ или внизъ по Оби до какого-нибудь опредѣленнаго пункта, гдѣ лодку оставляютъ и дальше идутъ

уже пѣшкомъ. Жители города и поселеній, расположенныхъ по Оби, обыкновенно отправляются на югъ отъ рѣки, по направленію къ Тарскому и Томскому округамъ; идутъ всегда въ извѣстное уже мѣсто, заранѣе высмотрѣнное и облюбованное кѣмъ-либо изъ членовъ артели; перѣдко такое мѣсто отстоитъ отъ города верстъ на сто—двѣсти и болѣе.

Достигнувъ цѣли своего путешествія, товарищи тотчасъ-же приступаютъ къ предварительнымъ работамъ. Прежде всего строятъ шалашъ для жилья на время промысла и землянку, если таковая не сохранилась отъ промысловъ прежнихъ лѣтъ, для храненія орѣха; тутъ-же устраиваются особые продольные станки, приспособленные къ раздробленію шишекъ и освобожденію орѣха, и деревянныя рѣшета для просѣиванья орѣха. Въ этихъ работахъ принимаютъ участіе всѣ, руководство-же ими беретъ на себя, какъ и вообще во все время промысла, кто-нибудь изъ наиболѣе опытныхъ промышленниковъ, не разъ ходившій орѣшить, хорошо знакомый и съ условіями промысла, и съ тайгой. Формальныхъ выборовъ, разумѣется, не бываетъ, и дѣлается это какъ-то само-собой, въ силу общаго молчаливаго признанія за даннымъ лицомъ качествъ, требуемыхъ отъ руководителя промысломъ.

Когда все готово, принимаются за самое „шишкованіе“, т.-е. за сборъ кедровыхъ шишекъ. Когда артель невелика, состоитъ всего изъ трехъ-четырехъ человѣкъ, товарищи не разъединяются и промышляютъ всѣ вмѣстѣ; если-же число ихъ больше—человѣкъ 6—8, они разбиваются на группы по 3—4 въ каждой, и эти группы работаютъ болѣе или менѣе самостоятельно и независимо другъ-отъ-друга. Каждая группа состоитъ изъ одного сбивальщика и нѣсколькихъ подбиральщиковъ; на обязанности перваго лежитъ сбиваніе шишекъ, что производится ударомъ длиннаго шеста по вѣтвямъ кедра, подбиральщики-же въ это время собираютъ въ мѣшки градомъ сыплющіяся на землю шишки и таскаютъ мѣшки съ орѣхомъ въ опредѣленное мѣсто, къ землянкѣ. Сбивальщиками бываютъ обыкновенно самые сильные, ловкіе и смѣлые промышленники, такъ какъ ихъ обязанность—влѣзаніе при помощи подвязываемыхъ къ ногамъ желѣзныхъ когтей на вер-

хушку кедра и сбиваніе шишекъ сопряжено съ большой опасностью и требуетъ много ловкости и отваги: паденіе сбивальщика съ кедра, сопровождаемое искалѣчиваніемъ на всю жизнь, а еще чаще смертью, довольно обычное явленіе. Работа остающихся на землѣ гораздо тяжелѣе, требуетъ большей силы и выносливости, но за то неопасна для здоровья промышленника. Обивши шишки съ одного кедра и собравши ихъ въ мѣшки, группа переходитъ къ другому дереву и т. д. въ теченіи цѣлаго дня, съ ранняго утра до ночи. Точно также поступаютъ и другія группы артели, если таковыя имѣются. Шишки, какъ мы сказали, сносятся въ одно мѣсто; когда онѣ достаточно провѣтрятся и подсохнутъ на солнцѣ, ихъ чистятъ на станкахъ, отдѣляютъ орѣхъ, который просѣиваютъ сквозь рѣшета и затѣмъ вновь сушатъ на солнцѣ. Эта работа чаще всего, если только позволяетъ погода, производится по праздникамъ, какъ болѣе мелкая и не утомляющая промышленниковъ. Подсохшій орѣхъ ссыпается въ землянку, дверь которой плотно запирается и заваливается землей, лѣсомъ или камнями; эти предосторожности принимаются на случай посѣщенія землянки лакомымъ до орѣховъ медвѣдемъ. Иногда землянку замѣняетъ простая яма. Здѣсь орѣхъ остается до начала зимы, когда за нимъ пріѣзжаютъ на лошадяхъ. Если по силамъ артели въ данномъ мѣстѣ шишекъ мало, то, ссыпавъ орѣхъ въ землянку и заваливъ ее лѣсомъ, артель идетъ дальше, подыскиваетъ подходящее мѣсто и вновь принимается за ту-же работу.

Орѣховый промыселъ, считая и время, необходимое на путь въ урманъ и обратно, продолжается около двухъ мѣсяцевъ: въ половинѣ іюля отправляются орѣшить, а возвращаются около двадцатыхъ чиселъ сентября. Впрочемъ, въ плохой годъ періодъ промысла бываетъ короче, въ особенно-же урожайный, съ ясной осенью, нѣсколько дольше.

По первому снѣгу промышленники уже на лошадяхъ пускаются вновь въ тайгу, вывозятъ орѣхъ домой и тутъ дѣлятъ его между всѣми „товарищами" по-ровну, стараясь сохранить возможную справедливость.

Орѣшеньемъ занимается преимущественно молодежь, притомъ

исключительно мужская, такъ какъ русскія женщины орѣшить не ходятъ—крайне рѣдкія исключенія въ этомъ смыслѣ можно встрѣтить въ деревняхъ, гдѣ этотъ промыселъ вообще развитъ больше, чѣмъ въ городѣ. Остяки орѣшатъ исключительно въ одиночку или посемейно, въ артели, какъ и для всѣхъ другихъ промысловъ, не соединяются, и всякій работаетъ за свой собственный счетъ и страхъ. Остячки промышляютъ наравнѣ съ мужчинами, раздѣляя съ ними всѣ труды и опасности промысла. Здѣсь умѣстно будетъ отмѣтить слѣдующую не безъинтересную черту взаимныхъ отношеній между остяками. Каждый изъ нихъ, не имѣющій собственной промысловой снасти—лодки, сѣти, слопцовъ и пр., можетъ пользоваться снастью, принадлежащею всякому другому остяку, для чего долженъ заявить только о своемъ желаніи ея хозяину, и тотъ не имѣетъ права отказать ему, если только самъ въ это время не нуждается въ ней. Если-же остякъ воспользуется снастью безъ спроса ея владѣльца, то половина добычи поступаетъ послѣднему. Такой обычай остяковъ, исходя изъ принципа взаимопомощи, до извѣстной степени замѣняетъ собой отсутствующее у нихъ артельное начало.

Орѣшенье—одно изъ самыхъ выгодныхъ занятій въ краѣ: въ хорошій годъ сильная и ловкая артель успѣваетъ заработать рублей до 80 на „товарища"; бываютъ и такіе годы, когда одинъ промыселъ даетъ за 100 р. на человѣка; въ плохіе—заработокъ, естественно, гораздо меньше—рублей по 30, иногда-же случается и такъ, что промышленники возвращаются почти вовсе съ пустыми руками. По словамъ мѣстныхъ жителей, въ четыре года—два выдаются среднихъ по урожайности, одинъ много выше средняго и одинъ, наконецъ, съ плохимъ урожаемъ. Мы думаемъ, впрочемъ, что это утвержденіе основано на недостаточно точныхъ наблюденіяхъ, по крайней мѣрѣ, дѣйствительность далеко не всегда соотвѣтствуетъ ему: иногда два—три года сряду урожай самый плохой, а иногда выдадутся нѣсколько такихъ, что жители не знаютъ куда дѣваться съ орѣхомъ.

Необходимо, однако, оговориться: не всякая артель промышленниковъ вполнѣ пользуется результатомъ промысла,—нерѣдки слу-

чаи, когда она бываетъ вынуждена уступать часть своихъ заработковъ постороннему лицу, скупщику-кулаку. Происходитъ это въ томъ случаѣ, если товарищество почему-либо не въ силахъ предпринять промыселъ исключительно на свои средства и вслѣдствіе этого должно обращаться за кредитомъ на сторону, къ торговцу-скупщику, у котораго беретъ необходимый товаръ—съѣстные припасы, табакъ и проч., иногда и деньги, обязуясь уплатить за это изъ доходовъ будущаго промысла. Кромѣ того, вмѣсто процентовъ, артель обязуется весь орѣхъ сдать своему кредитору по опредѣленной цѣнѣ. При такихъ сдѣлкахъ промышленники терпятъ громадные убытки, ибо львиная доля дохода приходится кредитору. Впрочемъ, иногда терпятъ убытки и скупщики, назначивъ цѣну на орѣхъ выше той, какая устанавливается впослѣдствіи, но такія ошибки съ ихъ стороны большая рѣдкость. Мѣстные жители стараются избѣгать сдѣлокъ съ кредиторами, предпочитая обходиться своими средствами, и къ скупщикамъ большею частью обращается пришлый народъ. Намъ извѣстенъ, между прочимъ, случай, когда артель тобольскихъ крестьянъ-плотниковъ, пришедшая въ Сургутъ на заработки и воспользовавшаяся для промысла любезнымъ предложеніемъ кредита со стороны одного мѣстнаго торговца, продала ему орѣхъ по цѣнѣ вдвое ниже той, по которой онъ продавался промышленниками, свободными отъ обязательства поставлять его извѣстному лицу. Излишне, думаемъ, говорить о цѣнахъ на товары, выдаваемые промышленникамъ въ кредитъ, объ ихъ качествахъ и т. п. Этихъ убытковъ сами промышленники не считаютъ.

Нѣкоторые купцы и богатые крестьяне Тобольскаго округа, также и мѣстные торговцы извлекаютъ пользу изъ орѣховаго промысла и другимъ путемъ: арендуютъ, какъ упомянуто выше, кедровые острова у остяковъ, иногда прямо захватываютъ ихъ, не взирая на протесты мѣстныхъ жителей, и наемными рабочими ведутъ промыселъ отъ себя. Рабочими въ такихъ случаяхъ являются тѣ-же остяки, такъ какъ горожане и русскіе крестьяне, какъ народъ болѣе зажиточный, въ наемку не идутъ. Промышляющіе на хозяина за свой трудъ получаютъ, разумѣется, еще менѣе,

чѣмъ тѣ, которые входятъ въ предварительныя сдѣлки съ скупщиками. Чтобы возможно дешевле нанять рабочихъ, купцы употребляютъ въ отношеніи остяковъ самые разнообразные болѣе или менѣе неблаговидные пріемы, затягивающіе послѣднихъ въ безвыходную кабалу—водка и система долговыхъ обязательствъ въ этомъ играютъ первенствующую роль, но къ этому намъ придется еще не разъ возвращаться.

Скупщики вывозятъ изъ Сургута орѣхъ въ другіе округа Тобольской губерніи и на Ирбитскую ярмарку.

Въ жизни сельскаго населенія округа и особенно остяковъ серьезное значеніе имѣетъ и другой тѣсно связанный съ урманомъ промыселъ—охота на пушнаго звѣря. Съ осени почти до самой весны непрерывно продолжается этотъ промыселъ; лѣтомъ-же и весной звѣря не бьютъ, какъ потому, что тогда шкуры не такъ прочны и пушисты, а потому ниже цѣнятся, такъ и вслѣдствіе того, что съ наступленіемъ тепла и разлива рѣкъ сургутянина занимаютъ другіе, не менѣе важные промыслы—ловля рыбы и птицы. Предметомъ охоты служатъ едва-ли не всѣ четвероногіе обитатели тайги, начиная съ ея царя медвѣдя и кончая крохотнымъ бурундукомъ: ловятъ и бьютъ все, что только подвернется подъ ружье или ловушку промышленника, преимущественно-же охотятся на бѣлку, лисицу, выдру, горностая и нѣкоторыхъ другихъ звѣрковъ, прельщающихъ охотника цѣнностью своей шкурки Ни русскіе крестьяне, ни тѣмъ болѣе остяки никогда не соединяются для охоты въ артели, всякій промышляетъ для себя, на свой личный страхъ; если иногда нѣсколько охотниковъ и сходятся вмѣстѣ, то исключительно ради большей безопасности отъ звѣря, и такія соединенія ни къ чему, кромѣ взаимной помощи въ случаѣ опасности, не обязываютъ. Охота на звѣря производится при помощи ружья и разнообразнѣйшихъ ловушекъ, петель, ямъ, болѣе или менѣе хитро устроенныхъ и приноровленныхъ къ характеру и привычкамъ звѣря, вполнѣ изученнаго сургутяниномъ-охотникомъ. Остяки, кромѣ того, часто охотятся со стрѣлами. Горожане звѣроловствомъ, какъ промысломъ, не занимаются, предпочитая скупать за безцѣнокъ шкурки у остяковъ для перепродажи.

На ряду съ другими промыслами, развитыми въ Сургутскомъ краѣ, необходимо отмѣтить ловлю птицы, производящуюся преимущественно весною. Птицеловство, главнымъ образомъ, ловля утокъ, производится здѣсь въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что носитъ характеръ настоящаго промысла и служитъ одной изъ значительныхъ статей дохода населенія. Весной, съ начала перелета птицы, всѣ, кто въ деревняхъ, отчасти и въ городѣ, не занятъ какой-нибудь другой выгодной и неотложной работой (и это время свободно отъ срочныхъ работъ для всѣхъ, не промышляющихъ рыболовствомъ, т.-е. для всей женской и нѣкоторой части мужской половины населенія), тянутся въ тайгу за утками; тутъ вы встрѣтите и стариковъ, и ребятишекъ. Въ продолженіе всего весенняго перелета, т.-е. недѣли три длится ловля утокъ при помощи такъ называемыхъ перевѣсовъ. Перевѣсъ—это нитяная сѣть, похожая на употребляемыя вездѣ въ Тобольской губерніи для ловли рыбы и растягиваемая на вбитыхъ въ землю жердяхъ или на деревьяхъ, гдѣ представляются къ тому удобства. Для установки перевѣса пользуются подходящей прогалиной въ лѣсу, или-же пробиваютъ просѣку такимъ образомъ, чтобы концы ея упирались въ озерки, болотца, вообще въ такія мѣста, гдѣ утки могутъ спускаться на воду, что при тамошнемъ обиліи озеръ и болотъ не представляетъ никакого затрудненія. Слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящее время рѣдко приходится прокладывать новыя просѣки, такъ какъ каждый домохозяинъ имѣетъ свое собственное мѣсто, перешедшее ему отъ родителей, гдѣ ежегодно ловитъ утокъ; если-же кто вздумаетъ ставить перевѣсъ въ другомъ мѣстѣ, то къ его услугамъ сотни прогалинъ и просѣкъ, сдѣланныхъ когда-то и вполнѣ могущихъ удовлетворить самаго взыскательнаго промышленника. На такой прогалинѣ вбиваютъ жерди, на которыя поперегъ прогалины развѣшивается перевѣсъ такимъ образомъ, чтобы посредствомъ особо приспособленной системы веревочекъ и палочекъ его, по желанію, можно было быстро опускать на землю. Случается, что на одной и той-же просѣкѣ, если она достаточно длинна, ставятъ два и три перевѣса. На нѣкоторомъ разстояніи отъ перевѣса и нѣсколько въ сторону отъ него устраивается особое прикрытіе,

родъ шалаша изъ вѣтокъ, въ которомъ помѣщается ловецъ. Ловля производится преимущественно утромъ и вечеромъ, на зарѣ, когда утки косяками, въ нѣсколько десятковъ каждый, начинаютъ перелетать просѣкой съ одного озерка или болотца на другое. Въ ту минуту, когда косякъ подлетаетъ къ растянутому перевѣсу, его быстро опускаютъ на землю, и онъ своимъ паденіемъ увлекаетъ нѣсколько утокъ, которыя и запутываются въ его петляхъ. Ловецъ освобождаетъ ихъ, тутъ-же давитъ и откладываетъ въ сторону, сѣть-же опять поднимается. Въ хорошій перелетъ утокъ бываетъ такъ много, что промышленникъ не успѣваетъ во время поднимать и опускать перевѣсъ, почему принужденъ нѣкоторые косяки пропускать мимо. Утки перелетаютъ только въ тихую, не дождливую погоду, и чѣмъ лучше утро, тѣмъ сильнѣе перелетъ; продолжительность его небольшая—часъ—два на каждой зарѣ. Въ хорошій годъ добывается двѣ—три сотни утокъ, въ плохой—штукъ 80 и меньше.

Кромѣ ловли утокъ, нѣкоторые сургутяне охотятся съ ружьемъ за дикими гусями и лебедями. Этого рода охотой занимаются больше деревенскіе жители.

Сюда-же примыкаетъ и варварскій обычай собирать весною гусиныя и утиныя яйца, такъ какъ этотъ сборъ яицъ по своимъ размѣрамъ для многихъ жителей также имѣетъ значеніе промысла. Объ этихъ размѣрахъ и о вредѣ, наносимомъ такимъ сборомъ, можно судить по тому, напримѣръ, факту, что одинъ знакомый намъ остякъ, отправившись на лодкѣ по яйца, дня черезъ четыре привезъ буквально полную лодку утиныхъ, гусиныхъ и лебединыхъ яицъ. Этимъ занимаются преимущественно жители округа, а изъ нихъ остяки.

Перо и пухъ съ утокъ и гусей сбывается мѣстнымъ и пріѣзжимъ скупщикамъ, мясо-же солится и сохраняется на зиму для собственнаго потребленія. Съ лебедей снимаютъ шкурки, также идущія въ продажу въ невыдѣланномъ видѣ.

Зимою сургутяне бьютъ и ловятъ въ петли и другія ловушки лѣсную птицу—тетеревовъ, куропатокъ, рябчиковъ; эту птицу замораживаютъ, и въ такомъ видѣ она поступаетъ въ продажу.

Охотятся за лѣсной и водяной птицей или посемейно, или въ одиночку, и артельный принципъ въ отношеніи этого промысла не примѣняется ни русскимъ крестьянствомъ, ни тѣмъ болѣе остяками.

Для обитателей описываемаго края, русскихъ или остяковъ— все-равно, рыба имѣетъ первенствующее значеніе: она главная пища всякаго сургутянина, для окружнаго-же населенія, сверхъ того, и одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ сбыта на сторону, почему, естественно, и рыболовству въ ряду другихъ занятій и промысловъ принадлежитъ первенствующее мѣсто. Обиліемъ рыбы, а для остяковъ еще количествомъ бѣлки, опредѣляется степень обезпеченности населенія на данный годъ.

Сургутяне ловятъ рыбу круглый годъ, но главный, такъ сказать, рыболовный сезонъ—это лѣто и осень, а затѣмъ первая половина зимы. Въ Оби и ея крупныхъ притокахъ рыбу ловятъ громаднѣйшими неводами, въ небольшихъ-же рѣчкахъ и озерахъ сѣтями, протягиваемыми поперегъ рѣчки или озера и такимъ образомъ преграждающими рыбѣ проходъ, и ловушками на подобіе „мордъ", столь распространенныхъ по Тобольской губерніи; также загораживаютъ рѣки кольями и т. д. Ловля всѣми этими „мордами", сѣтями и прочими орудіями, употребляемыми въ малыхъ рѣчкахъ, особаго значенія не имѣетъ, такъ-какъ крупная, идущая въ продажу и потому высоко цѣнимая рыба въ этихъ рѣчкахъ не водится, и попадается больше или дешевая рыба, или мелкота— щуки, окуни, язи, караси и т. п. Рыбная ловля этого рода всегда производится отдѣльными домохозяевами или семьями, по крайней мѣрѣ, намъ неизвѣстно ни одного случая артельнаго лова мелкой рыбы въ рѣчкахъ и озерахъ. Снасти, употребляемыя при немъ, какъ-то сѣти, морды, обласки[1]) и пр., почти всегда изготовляются мѣстными жителями (крестьянами округа) и стоютъ сравнительно дешево, и рѣдкій домохозяинъ не имѣетъ собственной снасти.

Иначе поставлено рыболовство на Оби и другихъ большихъ рѣкахъ округа. Здѣсь добывается крупная дорогая рыба: осетръ,

[1]) Обласъ—небольшая на одного—двухъ человѣкъ плоскодонная лодченка, напоминающая нѣсколько своей конструкціей общеизвѣстную душегубку.

шокуръ, нельма, стерлядь, муксунъ и проч. Принадлежности для ловли этой рыбы—все крупныхъ размѣровъ и стоятъ значительныхъ денегъ; тутъ употребляются такъ называемые неводники, большія лодки человѣкъ на 15—20 и болѣе, громаднѣйшіе по 200—300 саж. невода[1]), желѣзные багры, толстые канаты и веревки, а все это стоитъ очень и очень недешево: напримѣръ, цѣна неводу достигаетъ иногда нѣсколькихъ сотъ рублей, и неводъ въ 60—80 рублей считается уже плохенькимъ; неводникъ стоитъ рублей 25—30 и дороже и т. д. Понятно, при такихъ условіяхъ лишь рѣдкій хозяинъ имѣетъ возможность завести себѣ всѣ необходимыя принадлежности крупнаго лова—затратить нѣсколько сотъ рублей на одинъ инвентарь можетъ человѣкъ только богатый. Вотъ почему въ описываемомъ краѣ довольно рѣдко можно встрѣтить домохозяина, обладающаго всѣми снастями, требуемыми для лова крупной рыбы въ глубокихъ и многоводныхъ рѣкахъ; чаще бываетъ, что одинъ обзаводится неводомъ, другой лодками, третій еще чѣмъ-нибудь и т. д.

Этими условіями рыболовства въ большихъ рѣкахъ, т.-е. дороговизною необходимаго для него инвентаря, пріобрѣтеніе котораго не подъ силу отдѣльному заурядному домохозяину съ одной стороны, а съ другой, тѣмъ, что неводной промыселъ возможенъ не иначе, какъ при соединенныхъ усиліяхъ нѣсколькихъ человѣкъ, слѣдуетъ объяснять то обстоятельство, что такой промыселъ у русскихъ сургутянъ, когда они промышляютъ на себя, а не на хозяина, всегда ведется артелями. Что происхожденіе артели въ данномъ случаѣ было именно таково, т.-е. что возникновеніемъ своимъ она обязана исключительно невозможности вести этотъ промыселъ единичными силами отдѣльныхъ рыбаковъ, въ этомъ насъ убѣждаетъ, помимо теоретическихъ соображеній, тотъ характерный фактъ, что изъ всѣхъ разнородныхъ промысловъ, встрѣчаемыхъ въ Сургутскомъ краѣ, только въ тѣхъ, которые немыслимо вести индивидуальными силами, находитъ свое приложеніе артель-

[1]) Зимою употребляются невода значительно меньшихъ размѣровъ, такъ какъ неводъ въ 200—300 саж. нельзя было-бы даже развернуть въ прорубяхъ, устраиваемыхъ для ловли рыбы зимою.

ный принципъ, именно—въ крупномъ рыболовствѣ и орѣшеньи; всѣ-же остальные промыслы ведутся или въ одиночку, или посемейно,—ни въ одномъ изъ нихъ не встрѣчается артель. Такимъ образомъ, существованіе артели въ промысловыхъ занятіяхъ сургутянъ мы объясняемъ не склонностью мѣстнаго населенія къ якобы излюбленной формѣ труда, составляющей характерную черту русскаго племени, а просто физической невозможностью вести промыслы на иномъ началѣ, помимо артельнаго, такъ какъ вездѣ, гдѣ только условія позволяютъ обойтись безъ артели, мы не находимъ ни малѣйшей черты, указывающей на склонность мѣстнаго населенія къ принципу коопераціи.

Изъ того факта, что при крупномъ ловѣ наблюдается одна лишь артельная форма промысла, не слѣдуетъ заключать, что на всемъ пространствѣ громаднѣйшаго округа промысловые порядки совершенно одинаковы, что въ нихъ не встрѣчается отклоненій въ ту или иную сторону отъ порядковъ, существующихъ, напримѣръ, въ самомъ Сургутѣ. Такое различіе существуетъ, хотя и неособенно большое, но тѣмъ не менѣе довольно характерное и находящееся въ тѣсной зависимости отъ того значенія, какое имѣетъ рыболовство для жителей данной мѣстности. Наибольшая разница видна между городскими и деревенскими артелями рыбаковъ и касается численности и степени устойчивости артелей, а также степени участія членовъ артели въ промысловыхъ орудіяхъ, а отсюда и въ добычѣ промысла.

Вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей въ экономическихъ условіяхъ жизни горожанъ, о чемъ намъ придется подробно говорить въ IV главѣ настоящаго очерка, для нихъ рыболовство не имѣетъ такого значенія, какъ для крестьянъ округа: въ то время, какъ для перваго оно является лишь однимъ изъ факторовъ экономическаго благосостоянія, не выдѣляющимся изъ ряда другихъ, для послѣднихъ совершенно обратно, рыболовство составляетъ основу всего благосостоянія, и всякій другой промыселъ носитъ уже характеръ второстепеннаго подспорья въ хозяйствѣ крестьянина; горожанинъ ловитъ рыбу почти исключительно для собственнаго потребленія, въ противоположность крестьянину, который зани-

мается рыболовствомъ преимущественно для продажи и уже попутно для собственнаго потребленія.

Такое различіе въ степени важности рыболовства для тѣхъ и другихъ влечетъ за собой рядъ послѣдствій, непосредственно отражающихся на артели. Горожане, менѣе нуждаясь въ рыбѣ, промышляютъ непостоянно въ теченіи каждаго рыболовнаго сезона, а временами, наѣздомъ на пески на нѣсколько дней, отъ постоянныхъ работъ ихъ отрываютъ другія занятія; отсюда болѣе временный характеръ городской артели, меньшая устойчивость ея сравнительно съ артелью деревенскихъ рыбаковъ. Не то въ деревнѣ: здѣсь съ начала мая до конца сентября или второй половины октября работа рыболововъ тянется непрерывно, изо-дня въ день; отдыхаютъ только праздниками, да и это отдыхъ только по названію, ибо именно въ праздники, какъ „свободное отъ работъ" время, посвящается починкѣ сѣтей, неводовъ и тому подобнымъ занятіямъ. Другими промыслами во время рыболовнаго сезона занимается лишь тотъ изъ крестьянъ, въ семьѣ котораго есть, помимо него, одинъ—два рыбака, и чей трудъ поэтому является уже лишнимъ въ рыболовствѣ. Такимъ образомъ деревенскіе артельщики въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ находятся въ непрерывномъ общеніи другъ съ другомъ; продолжительная работа сообща, бокъ-о-бокъ сильнѣе сплачиваетъ рыбаковъ, вырабатываетъ въ нихъ дѣйствительно артельный духъ, могучій и крѣпкій. Поэтому деревенская артель отличается большей устойчивостью; измѣненія въ ея составѣ во время промысла происходятъ очень рѣдко, да и тѣ носятъ характеръ частнаго случая—Петръ выйдетъ, Иванъ займетъ его мѣсто. Болѣе крупныя видоизмѣненія въ составѣ имѣютъ мѣсто лишь въ свободное время между окончаніемъ одного сезона и наступленіемъ другаго—въ концѣ и началѣ зимы.

Другимъ различіемъ, проистекающимъ изъ разницы въ отношеніи къ рыболовству, надо признать численный составъ артелей: въ городѣ онѣ меньше, въ деревнѣ многочисленнѣе; въ первомъ средняя артель состоитъ изъ 8—12 человѣкъ, для деревни-же таковою будетъ артель человѣкъ въ 20—30. Промышляя, горожанинъ довольствуется болѣе мелкой и дешевой рыбой—язями, стер-

лядью, сыркомъ, щукой, а эта рыба не требуетъ такихъ громадныхъ неводовъ, какъ, напр., осетръ. Меньше снасть, меньше нужно для лова и людей—отсюда меньшая численность городской артели. Крестьянинъ ищетъ крупную, дорогую рыбу, которая требуется рынкомъ, поэтому невода его должны быть гораздо больше городскихъ, управленіе ими требуетъ большихъ силъ, иначе говоря—деревенская артель должна быть по необходимости многочисленнѣе.

Разница въ объемѣ городскихъ и деревенскихъ снастей довольно значительна: городской неводъ имѣетъ въ длину 100—150 саж., деревенскій-же 300—350; соотвѣтственно этому тѣ и другіе невода имѣютъ и различную ширину. Большій по длинѣ неводъ требуетъ большихъ лодокъ для его закидыванья, больше веревокъ и т. д. Понятно, что инвентарь горожанъ-рыбаковъ долженъ быть въ нѣсколько разъ дешевле крестьянскаго, а это также неостается безъ вліянія на артель. Въ городскихъ артеляхъ чаще всего неводъ принадлежитъ кому-нибудь одному изъ товарищей, лодки другимъ и т. д.; сообразно съ этимъ раздѣляется и добыча: хозяинъ невода получаетъ изъ улова, кромѣ своего пая, какъ члена артели, еще нѣсколько паевъ, по условію, за неводъ, тоже самое и въ отношеніи лодокъ. Во время зимняго лова каждый рыбакъ является на своей лошади, и такимъ образомъ въ зимней артели исключительное положеніе занимаетъ лишь одинъ владѣлецъ невода. Намъ неизвѣстно ни одного факта относительно рыбаковъ-горожанъ, чтобы неводъ и другія орудія промысла распредѣлялись иначе между членами артели, чтобы они были собственностью послѣдней, а не отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ составъ ея. Однородныя съ только-что описанными товариществами встрѣчаются и въ округѣ у крестьянъ-рыболововъ, но здѣсь на ряду съ ними имѣетъ мѣсто и нѣсколько иная организація, а именно: такъ какъ неводъ и другія снасти, употребляемыя деревенскими рыбаками, стоятъ дорого, и пріобрѣтеніе ихъ не подъ силу отдѣльнымъ лицамъ, то каждый рыбакъ обязывается при своемъ вступленіи въ артель внести извѣстную часть невода; такимъ образомъ неводъ составляетъ собственность всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ членовъ артели. Какъ намъ передовалъ нѣкій Вершининъ,

сургутскій житель, хорошо знакомый съ мѣстными условіями жизни, вверхъ по Оби встрѣчаются такія деревни, все мужское населеніе которыхъ составляетъ одну рыболовную артель, и неводъ въ такой деревнѣ является уже общимъ достояніемъ. Въ подобныхъ артеляхъ добыча дѣлится на паи, по-ровну распредѣляемые между всѣми участниками даннаго лова, кромѣ „кормщика", закидывающаго неводъ и заправляющаго неводьбой, „коловщика", остающагося на берегу и удерживающаго одно крыло невода—эти получаютъ больше, сообразно условію.

Все сказанное, повторяемъ, относится только къ русскому населенію, да и то не ко всему, а къ той лишь части его, которая занимается рыболовствомъ, какъ промысломъ, для которой оно, вслѣдствіе потребности въ рыбѣ, или какъ предметѣ потребленія, или какъ предметѣ торговли, имѣетъ первенствующее значеніе въ качествѣ одного изъ источниковъ существованія.

Позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь небольшое замѣчаніе о сургутскихъ промысловыхъ артеляхъ и формахъ пользованія различными угодьями. Подводя итогъ сказанному объ этомъ предметѣ, мы видимъ слѣдующее: у русской части населенія лѣсъ, луга и рыболовные пески находятся въ общемъ, мірскомъ пользованіи, при этомъ въ отношеніи рыболовныхъ песковъ и лѣса, исключая кедровниковъ, существуетъ полная неограниченная свобода эксплуатаціи; пользованіе-же кедровниками, сѣнокосными лугами и мѣстами, гдѣ разставлены слопцы и перевѣсы, подлежитъ извѣстной регламентаціи (порубка кедра только на подѣлки, система закашиванья и т. п.) Такимъ образомъ, здѣсь мы видимъ, какъ-бы двѣ ступени развитія одной и той-же земельной общины. Мы думаемъ, что эта община не мѣстнаго происхожденія, а занесена сюда русскими выходцами—казаками и ссыльными, и подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій—обилія земель, отсутствія хлѣбопашества и пр.—видоизмѣнилась и утратила свой первоначальный характеръ. Убѣждаетъ насъ въ справедливости такого мнѣнія, во 1-хъ, тотъ фактъ, что главныя черты сургутской русской общины чрезвычайно сходны съ чертами общины, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Тюкалинскаго округа, гдѣ еще до сихъ поръ нѣтъ стѣсне-

нiй въ землѣ, а во-вторыхъ, рѣзкое отличiе ея отъ сосѣдней, существующей рядомъ съ ней общины остяцкой, о которой мы говорили выше, и въ которой мы видимъ раздѣлъ общинно-родовыхъ лѣсовъ и рыболовныхъ песковъ между отдѣльными семьями, передѣлы этихъ угодiй по мѣрѣ увеличенiя числа семей, наконецъ, строгую регламентацiю въ пользованiи надѣлами. Почти тоже, что сказано нами о русской общинѣ въ этомъ краѣ, приходится сказать и о сургутской артели: промысловая артель несомнѣнно также занесена русскими промышленниками, ибо у мѣстныхъ инородцевъ она вовсе не наблюдается, хотя и могла-бы прилагаться тамъ, гдѣ остяки промышляютъ на себя; такъ, напримѣръ, въ сѣверной части Тобольскаго и южной Березовскаго округа, гдѣ остяки болѣе подвержены русскому влiянiю, гдѣ имъ чаще приходится сталкиваться съ зырянами, у которыхъ артельная форма труда довольно развита, остяки, по нѣкоторымъ отзывамъ, усвоили себѣ артель.

Однако, возвратимся къ прерванной рѣчи о рыболовствѣ.

Рыба, добываемая русскими крестьянами, отчасти-же остяками и горожанами, продается мѣстнымъ скупщикамъ, которые отправляютъ ее въ Ишимъ и Ирбить на ярмарки.

Доходность рыболовства настолько велика, что достаточно затратить на него 30—40 дней труда, чтобы запастись рыбою на цѣлый годъ. Крестьянамъ этотъ промыселъ даетъ возможность справлять всѣ лежащiя на нихъ повинности и жить зажиточно. Впрочемъ, по словамъ жителей, обилiе рыбы и сравнительная легкость ея добыванiя съ каждымъ годомъ уменьшается и заставляетъ уже задумываться о будущемъ. Уменьшенiе размѣровъ лова объясняютъ развитiемъ на Оби пароходства—частый шумъ пароходовъ пугаетъ рыбу, и она уходитъ въ притоки Оби метать икру. Мы лично затрудняемся сказать, насколько въ этихъ заявленiяхъ и опасенiяхъ правды и насколько вымысла и преждевременныхъ страховъ, не имѣющихъ серьезнаго основанiя.

Если русское деревенское населенiе ловитъ крупную рыбу главнымъ образомъ для продажи на сторону, то нельзя того-же сказать объ остякахъ, составляющихъ большинство населенiя ок-

руга. Остякъ, не нанимающійся на частныя ловли, рѣдко промышляетъ не на себя. Главная причина этого, по нашему мнѣнію, поразительная бѣдность сургутскихъ инородцевъ; остяку не на что обзавестись снастью для крупнаго лова, самостоятельныхъ-же артелей они не составляютъ; поэтому имъ волей-неволей приходится довольствоваться мелкой и дешевой рыбой, ловля которой не требуетъ дорогихъ орудій, да сдачей своихъ рыболовныхъ песковъ въ аренду купцамъ-рыбопромышленникамъ. Такимъ образомъ, самостоятельный промыселъ доставляетъ остякамъ только пищу. Если случайно попадетъ имъ крупная рыба, они продаютъ ее тѣмъ-же рыбопромышленникамъ, разъѣзжающимъ по округу, причемъ, конечно, получаютъ за нее ничтожную цѣну.

Намъ остается сказать только о частныхъ ловляхъ Тобольскихъ и Самаровскихъ рыбопромышленниковъ и объ ихъ значеніи для мѣстнаго населенія, главнымъ образомъ, для остяковъ.

Съ давнихъ поръ всѣ лучшіе, самые удобные и богатые пески перешли изъ рукъ остяковъ, ихъ настоящихъ владѣльцевъ, къ нѣсколькимъ богачамъ-рыбопромышленникамъ. Какъ это случилось, мы разсказывать не будемъ, какъ потому, что объ этомъ много уже разъ писалось, такъ и потому, что цѣль настоящей работы далека отъ всякихъ обличеній. Замѣтимъ только, что при этомъ систематически обходился законъ объ арендахъ рыболовныхъ песковъ, запрещающій заключать условія на срокъ свыше четырехлѣтняго, а потомъ сослужили свою службу, какъ служатъ ее и теперь, водка, система долговыхъ обязательствъ, закабаляющая совершенно инородца и ставящая его въ положеніе хуже крѣпостнаго, и, наконецъ, система подкупа. Какъ-бы тамъ ни было, въ данное время всѣ лучшіе пески фактически принадлежатъ нѣсколькимъ русскимъ рыбопромышленникамъ, принадлежатъ до такой степени, что иногда передаются по наслѣдству отъ отца къ сыну наравнѣ съ прочимъ имуществомъ.

Всѣ рыболовныя принадлежности, невода, сѣти, лодки, багры и т. п., а также временныя жилища рыбаковъ во время промысла—все это собственность хозяина-рыбопромышленника. Завѣдываніе снастями поручается довѣреннымъ хозяина, прикащикамъ,

которые набираются изъ самаровскихъ крестьянъ, Тобольскихъ мѣщанъ, ссыльныхъ, хорошо знакомыхъ съ условіями промысла, и тому подобнаго люда, умѣющаго заправлять работой въ интересахъ и сообразно разсчетамъ хозяина. Главный контингентъ рабочихъ на эти промыслы поставляютъ, какъ это ни странно на первый взглядъ, тѣ самые остяки, которые сдаютъ свои пески въ аренду. Второе мѣсто занимаютъ ссыльные изъ разныхъ округовъ губерніи.

Наемка рабочихъ происходитъ въ концѣ зимы—въ февралѣ и мартѣ, когда прикащики разъѣзжаютъ по остяцкимъ юртамъ и русскимъ деревнямъ Сургутскаго и Тобольскаго округа и даютъ задатки; чаще всего на промыслы являются рабочіе, работавшіе уже прошедшій годъ, но задолжавшіе хозяину, которымъ теперь прикащики только напоминаютъ объ ихъ обязательствахъ передъ хозяиномъ.

Промыселъ начинается съ первыхъ чиселъ мая, сейчасъ-же за проходомъ льда и непрерывно длится до заморозковъ, пока не пойдетъ по рѣкѣ такъ называемая шуга. Въ теченіи 5—5½ мѣсяцевъ работа тянется безостановочно, днемъ и ночью. Рабочимъ не полагается ни праздниковъ, ни другихъ дней отдыха. Гдѣ рабочихъ много, и они раздѣлены на двѣ партіи, тамъ каждая партія по очереди сутки неводитъ, сутки починяетъ сѣти, рубитъ дрова и исполняетъ другія необходимыя работы. Тотъ день, когда партія занята починкой сѣтей, считается днемъ отдыха для рыбаковъ. Если рабочихъ одна смѣна, тогда она сутки неводитъ, сутки чинитъ сѣти. Пища рабочимъ выдается хозяйская и состоитъ изъ хлѣба (безъ вѣсу), рыбы и кирпичнаго чаю; изрѣдка къ этому прибавляютъ еще солонину. Рыба, употребляемая рабочими, ими-же самими и добывается: въ каждый неводъ попадаетъ масса мелкой, негодной въ продажу рыбы, которая частью выбрасывается обратно въ воду, частью-же оставляется для рыбаковъ; впрочемъ, остякъ не взыскателенъ и не брезгуетъ мелкой рыбешкой, лишь-бы только ея много было. Плата рабочимъ колеблется между 15 и 25 рублями за сезонъ, т. е. за пять слишкомъ мѣсяцевъ. Русскій рабочій всегда получаетъ нѣсколько больше остяка, хотя

они и исполняютъ рядомъ одну и ту-же работу. Мы имѣемъ здѣсь въ виду заурядпаго рабочаго, уставщикъ-же получаетъ рублей до 80 и больше; кормщикъ, на обязанности котораго лежитъ забрасыванье невода, заработываетъ 40—50 рублей въ лѣто. Сверхъ того, каждому рабочему на время промысла полагается пара бродней. Во всякомъ случаѣ, обскій рыбакъ получаетъ такую плату, ниже которой трудно себѣ представить, за свой по-истинѣ каторжный трудъ на частныхъ промыслахъ, трудъ, сопряженный съ опасностями и всякими лишеніями. Для полной обрисовки положенія промысловаго рабочаго, мы должны замѣтить, что остяки почти никогда не получаютъ всего своего заработка по условію, такъ какъ часть его выдается обыкновенно нужнымъ остякамъ товаромъ—табакомъ, водкой и др.; цѣны на эти товары ставятся, разумѣется, произвольныя, по поговоркѣ „хозяйская рука владыка". При этомъ всегда часть товаровъ дается впередъ, въ счетъ работъ будущаго года, что запутываетъ остяка и ставитъ его въ безвыходное, кабальное положеніе. Обязательныя отношенія, возникшія на этой почвѣ между рабочимъ-остякомъ и хозяиномъ, не прекращаются даже со смертью перваго: доля отца переходитъ на сына, и нѣтъ выхода изъ этой кабалы несчастному, голодному дикарю. Отдавая свой трудъ и трудъ своихъ потомковъ рыбопромышленникамъ, рабочій, кромѣ того, отдаетъ имъ и свое здоровье, свою жизнь. Трудно представить себѣ болѣе гибельную обстановку, чѣмъ та, которую мы встрѣтили на рыбныхъ пескахъ Оби и ея притоковъ: въ продолженіи пяти съ половиной мѣсяцевъ рабочій почти непрестанно во всякую погоду, въ холодъ, вѣтеръ и дождь, находится на рѣкѣ, по колѣно въ водѣ; одеженка на немъ всегда худая, рваная, ему вѣчно холодно; даже послѣ сутокъ каторжной работы ему негдѣ, какъ слѣдуетъ обсушиться и обогрѣться: вмѣсто хоть сколько-нибудь сноснаго помѣщенія, хоть коекакъ приспособленнаго для человѣческаго жилья, онъ вынужденъ идти въ шалашъ, сплетенный изъ тальника, или въ сырую и холодную землянку, такъ-какъ избы и казармы для рабочихъ устраиваются далеко не вездѣ и встрѣчаются ближе къ Тобольску. Какъ при такихъ условіяхъ сохранить здоровье рабочему, который

вдобавокъ и питается плохо? А не выдержалъ онъ, заболѣлъ, его выгонятъ вонъ—тамъ, гдѣ кипитъ работа, гдѣ каждый день доставляетъ сотни рублей, тамъ нѣтъ мѣста больнымъ и слабымъ. Къ сожалѣнію, ни оффиціальная статистика, ни газетныя сообщенія не даютъ возможности хотя-бы приблизительно опредѣлить цифру ежегодно гибнущихъ на этихъ промыслахъ рабочихъ. Мы думаемъ, что ихъ надо считать не сотнями, а тысячами, не говоря уже о тѣхъ, которые простуживаются, наживаютъ себѣ неизлечимыя болѣзни и уходятъ съ промысловъ калѣками.

Иногда рыбопромышленники арендуютъ пески на такихъ условіяхъ: остякамъ дозволяется тутъ-же ловить рыбу, но непремѣнно сдавать ее арендатору по цѣнѣ, назначаемой послѣднимъ. Не беремся опредѣлять, что выгоднѣе для остяковъ—эта-ли работа „на себя", или работа на хозяина на вышеописанныхъ условіяхъ. Впрочемъ, такой способъ арендованія песковъ выводится и теперь встрѣчается нечасто.

Пароходство по Оби вызвало къ жизни въ этомъ краѣ новый народный промыселъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивающійся, съ каждымъ годомъ пріобрѣтающій для города и нѣкоторыхъ побережныхъ деревень все болѣе серьезное значеніе—мы говоримъ о заготовкѣ дровъ для пароходовъ. Поставкой дровъ занимается значительная часть горожанъ. Прежде за порубку лѣса для пароходовъ съ нихъ не взималось ничего, но года два назадъ, съ введеніемъ въ краѣ лѣсничества, ихъ обязали платить попенныя деньги въ размѣрѣ нѣсколькихъ копѣекъ съ кубической сажени. Условіе на поставку дровъ съ пароходчиками обыкновенно заключаетъ кто-нибудь изъ торгующихъ мѣщанъ, и сургутяне сдаютъ дрова ему и только съ нимъ и имѣютъ дѣло. Цѣны на дрова устанавливаются въ началѣ зимы, сейчасъ по заключеніи съ подрядчикомъ контракта. Въ нашу бытность въ Сургутѣ за вырубку и доставку на пристань Бѣлый Яръ, въ 14-ти верстахъ отъ города, кубической сажени дровъ сосновыхъ брали отъ 1 р. 50 к. до 2 р. Городскіе мѣщане давно сознаютъ, какъ много приходится имъ терять, имѣя дѣло не съ пароходчиками непосредственно, а съ подрядчикомъ, и стремятся къ тому, чтобы самимъ, цѣлымъ

обществомъ заключать условія съ пароходчиками, но до сихъ поръ эти попытки не идутъ дальше разговоровъ, перекоровъ и безцѣльной перебранки между отдѣльными лицами. „Согласія промежду насъ нѣтъ“, говорятъ сургутяне и этимъ объясняютъ безуспѣшность своихъ плановъ. Заготовка дровъ производится отдѣльными лицами, каждымъ для себя; артелей нѣтъ.

Мы разсмотрѣли всѣ главныя занятія населенія, посящія характеръ промысловъ, и теперь перейдемъ къ развитію въ краѣ ремесленности, къ домашнимъ занятіямъ жителей и торговлѣ.

III.

ЗАНЯТІЯ НАСЕЛЕНІЯ.

(Продолженіе).

Ничтожная степень развитія ремесленности.—Домашнія занятія.—Торговыя сношенія сургутянъ съ инородцами и тобольскими купцами; характеръ этихъ сношеній.—Сургутская ярмарка.—Экономическая зависимость инородцевъ—остяковъ и самоѣдовъ отъ русскихъ; характеръ и степень эксплуатаціи первыхъ послѣдними.—Стремленіе сургутянъ къ легкой наживѣ вообще и къ торговлѣ въ частности.

Ремесленность въ Сургутскомъ краѣ развита мало,—можетъ быть, даже правильнѣе было-бы сказать—совсѣмъ не развита, до такой степени она ничтожна.

Среди различныхъ ремеслъ первое мѣсто по числу занятыхъ имъ лицъ—принадлежитъ сапожному: въ городѣ три—четыре постоянныхъ сапожника, т.-е. такихъ, для которыхъ это ремесло служитъ источникомъ существованія; сверхъ того, найдется человѣкъ десять, можетъ быть, и больше, изготовляющихъ между другимъ дѣломъ мужскіе бродни и женскіе чирки. Работа, какъ записныхъ мастеровъ, такъ и диллетантовъ, шьющихъ бродни, крайне груба и неуклюжа. Затѣмъ найдется въ городѣ человѣка два портныхъ, работающихъ на заказъ новую одежду, но больше занятыхъ починкой разной обывательской рвани, да и изъ нихъ одинъ ссыль-

ный Туринскаго округа, другой тоже ссыльный, только приписанный къ Сургуту. Есть здѣсь кузница и при ней слесарня, въ которой на весь городъ и округъ работаютъ три—четыре человѣка, но принадлежитъ она также чужимъ людямъ, на время заброшеннымъ въ этотъ край; тоже слѣдуетъ сказать и о двухъ—трехъ городскихъ столярахъ. Почти всѣ перечисленные нами мастера самоучки, которыхъ нужда заставила взяться за то или другое ремесло; до всего имъ пришлось доходить „своимъ умомъ", ко всему „прихитряться", что, конечно, отразилось и на качествѣ работы.

Коренной сургутянинъ не чувствуетъ никакой склонности къ ремесленной работѣ, и потому встрѣтить здѣсь мѣстнаго старожила-ремесленника довольно трудно, хотя этого рода работа оплачивается хорошо. До какой степени сургутяне не привыкли ни къ какимъ занятіямъ, не связаннымъ съ промыслами, можно судить по тому, напримѣръ, что, не смотря на сильную потребность города и округа въ плотникахъ, трудъ которыхъ вознаграждается очень хорошо, никто изъ мѣстныхъ жителей не занимается плотничествомъ: дома горожанъ строятъ пришлые люди, крестьяне Тобольскаго округа. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ сургутскихъ плотниковъ только одинъ былъ мѣстный житель, обрусѣвшій остякъ изъ округа. Даже распилка теса, во всякомъ случаѣ не требующая ни особенныхъ способностей, ни продолжительной выучки отъ работника, и та находится въ чужихъ рукахъ: въ наше время ее исполняли крестьяне Тобольскаго округа, а теперь солдаты мѣстной команды.

О причинахъ этого явленія мы будемъ говорить ниже, а здѣсь замѣтимъ лишь, что, по нашему мнѣнію, ихъ слѣдуетъ искать въ исторіи и современныхъ условіяхъ главнаго ядра городскаго населенія—казачества.

Домашнія занятія сургутянъ не отличаются особой сложностью и замысловатостью. Вы не встрѣтите здѣсь ни ткацкаго станка, безъ котораго не можетъ обойтись ни одна деревенская баба въ другихъ округахъ, и на которомъ она ткетъ холсты и узорчатыя скатерти, ни изготовленія саней, телѣгъ, дугъ, изукрашенныхъ

болѣе или менѣе хитрыми узорами, ни занятій другими издѣліями, для которыхъ нужна извѣстная ловкость и вкусъ. Всѣ мѣстныя подѣлки носятъ печать грубости, неумѣлости, аляповатости. Разсмотримъ отдѣльно нѣкоторыя изъ здѣшнихъ домашнихъ работъ.

Прежде всего слѣдуетъ остановиться на тѣхъ изъ нихъ, которыя такъ или иначе связаны съ тѣмъ или другимъ промысломъ; сюда относятся плетеніе сѣтей, неводовъ, перевѣсовъ, изготовленіе различныхъ петель, пленокъ, мордъ и другихъ ловушекъ, употребляемыхъ для добыванія птицы, звѣря, рыбы, и, наконецъ, выдалбливаніе облазовъ. Всѣми этими работами заняты крестьяне и остяки, а также кое-кто изъ горожанъ, вообще очень немногіе. Пряжу, веревки, канаты, необходимые для неводовъ и сѣтей, получаютъ отъ тобольскихъ купцовъ и мѣстныхъ торговцевъ. Изготовленіе изъ пряжи нитокъ всецѣло лежитъ на женщинахъ, плетеніемъ-же сѣтей занимаются одинаково, какъ женщины, такъ и мужчины въ свободное отъ другихъ занятій время, преимущественно зимой. Сшиваніе невода изъ отдѣльныхъ частей и починка его, прилаживанье веревокъ, поплавковъ и прочія работы по изготовленію невода исполняются мужчинами[1]).

Всякій сургутянинъ, какъ человѣкъ, всю жизнь занимающійся рыболовствомъ, обязательно умѣетъ плести сѣти и невода, и если далеко не всякій вяжетъ ихъ для себя, то исключительно вслѣдствіе дороговизны нужныхъ для этого матеріаловъ.

Иное дѣло выдѣлка мордъ и другихъ ловушекъ, приготовляемыхъ изъ древесныхъ вѣтвей, жердей и тому подобныхъ матеріаловъ, ничего не стоющихъ, кромѣ незначительнаго личнаго труда—этимъ въ извѣстное время года занятъ каждый крестьянинъ-

[1]) Чувствуемъ необходимость оговориться. Вязаніе сѣтей, какъ и нѣкоторыя другія работы, исполняемыя мѣстными жителями, например, скорняжество, мы не относимъ къ кустарнымъ промысламъ на томъ основаніи, что при нихъ имѣются въ виду собственныя потребности работающихъ; лишь въ рѣдкихъ случаяхъ эти работы производятся на заказъ и *почти никогда на рынокъ*, что, какъ извѣстно, составляетъ необходимое условіе всякаго кустарнаго производства. Поэтому всѣ работы, не имѣющія характера ремесленныхъ и не могущія въ то-же время быть причисленными къ кустарнымъ, мы относимъ къ числу домашнихъ занятій населенія.

промышленникъ: кто починяетъ старыя, кто изготовляетъ новыя. Горожане и въ этомъ случаѣ предпочитаютъ пользоваться трудомъ остяковъ, платя имъ какіе-нибудь гроши или отдавая имъ десятокъ—другой соленой „загорѣлой" рыбы, которую сами уже не употребляютъ. Справедливость требуетъ, впрочемъ, прибавить, что горожане мало занимаются охотой, и далеко не всякому изъ нихъ приходится возиться съ различными слопцами, пленками и прочими приспособленіями, какъ ни какъ все-же требующими извѣстнаго труда, работы мысли, заботъ, а сургутскій казакъ прежде всего великій лѣнтяй, для котораго всякая работа, выходящая изъ ряда повседневныхъ занятій, безъ которыхъ ужъ никакъ обойтись нельзя, непріятна и тягостна, какъ-бы ничтожна она ни была. Нѣкоторыя ловушки—морды, петли и т. п., не требующія большой физической силы, приготовляются часто и женщинами. У остяковъ-же вообще женщина почти во всѣхъ работахъ принимаетъ участіе на-равнѣ съ мужчиной.

Въ городѣ и округѣ нѣкоторыя женщины выдѣлываютъ шкурки, преимущественно бѣличьи. Выдѣлка производится самымъ первобытнымъ способомъ: шкурку растягиваютъ на палочкахъ, и смазываютъ внутреннюю сторону ея, „бухтарму", густымъ слоемъ квасной гущи и даютъ высохнуть; черезъ нѣкоторое время высохшую гущу соскребаютъ и вновь смазываютъ шкурку, и это повторяется до тѣхъ поръ, пока шкурка не пріобрѣтетъ требуемыхъ качествъ. Точно также выдѣлываются и другія, болѣе цѣнныя шкурки—лисьи, куньи и проч. Не беремся судить о достоинствахъ такой выдѣлки, но отъ самихъ сургутянъ приходилось слышать, что ихъ выдѣлка не отличается достаточной прочностью, и потому выдѣланныя шкурки не идутъ въ продажу на вывозъ. Остяки, вѣрнѣе сказать, остячки въ большомъ количествѣ выдѣлываютъ оленьи шкуры, изъ которыхъ все населеніе края приготовляетъ для себя всю зимнюю одежду, начиная съ обуви и кончая шапкой. Дубленіе въ Сургутскомъ краѣ неизвѣстно, хотя населеніе и понимаетъ преимущество такой выдѣлки мѣховъ.

Немногіе изъ мѣстныхъ жителей, и опять-таки главнымъ образомъ женщины, умѣютъ приготовлять сыромять, идущую на

ремни, починку сбруи, гужи. Но, по неименію местныхъ шорниковъ, хомуты, шлеи и прочій шорный товаръ привозится изъ Тобольска, а потому производство сыромятной кожи до крайности ничтожно. Остяки также выделываютъ изъ оленьихъ шкуръ нечто, подобное обыкновенной сыромяти; изъ ремней такой выделки приготовляютъ пояса, которыми остяки подпоясываютъ свои малицы, оленью и собачью упряжь и проч.

Ко всему сказанному следуетъ прибавить производство кирпича, большей частью сырца, литье и маканье свечей и, наконецъ, приготовленіе глиняной и деревянной посуды.

Есть въ городе кирпичныхъ делъ мастеръ, который выделываетъ не только сырецъ, но и обожженный кирпичъ. Но большинство горожанъ не требуетъ услугъ этого мастера, приготовляя сами (это всегда делается женщинами) для своихъ потребностей сырецъ, изъ котораго кладутъ печи уже тобольскіе печники. Починка и поправка печей исполняется несколькими женщинами, спеціалистками по печной части. Впрочемъ, такихъ спеціалистокъ намъ приходилось встречать не только въ Сургуте, но и въ другихъ городахъ Тобольской губерніи, где оне часто живутъ исключительно этимъ ремесломъ. По деревнямъ Сургутскаго округа обожженный кирпичъ почти не употребляется, печи-же делаются или изъ сырца, или изъ глины, смешанной съ конскимъ навозомъ. Сырецъ и здесь выделывается женщинами.

О приготовляемой местнымъ населеніемъ посуде—черныхъ глиняныхъ горшкахъ и деревянныхъ, кое-какъ обтяпанныхъ топоромъ хлебныхъ чашкахъ, а также о свечахъ местнаго изделія много говорить нечего—какъ то, такъ и другое можетъ служить разве только лишнимъ доказательствомъ низкаго уровня культурнаго развитія сургутянъ. Съ развитіемъ пароходства по Оби, а вместе съ темъ и торговыхъ сношеній Сургута съ соседними, более развитыми въ промышленномъ отношеніи городами, окончательно падаютъ и эти производства: привозный обливной горшокъ все больше и больше заменяетъ собой местный неуклюжій и непрочный горшокъ, керосинъ вытесняетъ тусклую сальную свечу. Еще несколько летъ—и оба производства совершенно исчезнутъ.

Всѣми перечисленными работами, за исключеніемъ гончарныхъ, отчасти носящихъ характеръ кустарнаго производства, сургутяне, главнымъ образомъ женская половина населенія, занимаются для удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей, въ свободное отъ другихъ, болѣе важныхъ для нихъ занятій промыслами. Къ числу домашнихъ-же занятій, лежащихъ исключительно на женщинахъ, относится также изготовленіе почти всей одежды, обработка и уходъ за огородомъ, уходъ за скотиной и многія другія работы по домашнему хозяйству.

Помимо перечисленныхъ выше промысловъ, составляющихъ основу экономическаго благосостоянія, и домашнихъ работъ, требуемыхъ хозяйствомъ, помимо всего этого, сургутяне вообще, а городское населеніе—казаки особенно, отдаютъ значительную долю своего времени, труда, энергіи на торговыя сношенія съ инородцами, тобольскими и самаровскими, и еще болѣе съ инородцами, остяками и самоѣдами.

Предметомъ торговли съ инородцами служитъ все, что только добывается послѣдними путемъ охоты и различныхъ промысловъ. Пушной товаръ, рыба, жиръ, дичь, перо, пухъ, кедровый орѣхъ, оленьи шкуры и проч.—съ одной стороны, и мука, цвѣтное сукно, ситцы, табакъ, чай, водка, словомъ, все, въ чемъ нуждается остякъ или самоѣдъ—съ другой. Торгъ ведется всегда при помощи непосредственнаго обмѣна товара на товаръ, помимо какого-либо участія денегъ, которыхъ у инородцевъ почти никогда не бываетъ. Пріобрѣтенный такимъ образомъ товаръ отъ инородцевъ перепродается тобольскимъ купцамъ частью на деньги, частью-же въ обмѣнъ на различные товары, нужные мѣстному населенію вообще, а въ частности для торговли съ инородцами.

Самое бойкое время торговли горожанъ съ инородцами—середина зимы, когда бываетъ Рождественская ярмарка, для округа-же два лѣтніе мѣсяца—май и іюнь, въ которые бываютъ ярмарки въ селахъ Югансkомъ и Ларьятскомъ. По оффиціальнымъ даннымъ, оборотъ всѣхъ трехъ ярмарокъ простирается отъ 25 до 35 тысячъ. Зная, какимъ образомъ величина оборота ярмарки выводится въ самомъ Сургутѣ, мы думаемъ, что эти цифры оффиціальной стати-

стики раза въ два—три ниже дѣйствительныхъ. Наиболѣе значительная изъ этихъ ярмарокъ, какъ по величинѣ торговыхъ оборотовъ, такъ и по количеству съѣзжающагося на нее народу, несомнѣнно, Рождественская.

Сургутская ярмарка въ высшей степени оригинальна и заслуживаетъ того, чтобы на ней остановиться нѣсколько внимательнѣе.

Человѣкъ, не принимающій непосредственнаго участія въ торгѣ,—а торгующихъ на ярмаркѣ на весь городъ едва-ли наберется человѣкъ 10—15 изъ обывателей,—можетъ не только не замѣтить ярмарки, но даже не подозрѣвать ея существованія: ни того особаго, только ярмаркамъ свойственнаго шума, ни уличнаго движенія и суеты, ни веселья и пьянаго разгула, ничего такого, что отмѣчаетъ самую небольшую ярмарку, даже просто базаръ, вы здѣсь не найдете, городъ, какъ и въ обыкновенное время, имѣетъ мертвенно-сонный видъ чего-то пригнетеннаго, застывшаго. А между тѣмъ именно въ это время въ Сургутъ съѣзжаются тысячи инородцевъ изъ отдаленнѣйшихъ сѣверныхъ тундръ Сибири: сюда являются со всего Сургутскаго, частью и изъ Березовскаго округа остяки; Мезенскій уѣздъ Архангельской губ. и крайній сѣверъ Березовскаго округа высылаютъ массы самоѣдовъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей; сюда-же пріѣзжаютъ и самоѣды Туруханскаго округа Енисейской губ. Сургутская ярмарка—ярмарка инородческая, поэтому она и носитъ на себѣ особый отпечатокъ и такъ рѣзко отличается отъ русскихъ ярмарокъ съ ихъ праздничнымъ видомъ, толкотней и пьянымъ разгуломъ. На время всякой русской ярмарки городская жизнь становится болѣе уличной, такъ сказать, общественной; здѣсь-же происходитъ, какъ разъ обратное—все какъ-бы уходитъ еще болѣе въ себя, замыкается въ нѣсколькихъ на-глухо запертыхъ домахъ; тамъ торгуютъ днемъ, здѣсь, напротивъ, какъ-бы изъ боязни свѣта, все производится подъ покровомъ ночи. Таковы внѣшнія отличія Сургутской ярмарки.

Днемъ, какъ уже замѣчено, на сургутскихъ улицахъ отсутствуетъ какое-либо движеніе; изрѣдка развѣ пройдетъ нѣсколько человѣкъ остяковъ, направляющихся въ полицію сдавать ясакъ или возвращающихся оттуда во-свояси. Съ наступленіемъ-же ве-

чера, въ сумерки тихо, почти безъ всякаго шума, какъ-бы крадучись, боясь обратить на себя вниманіе, въѣзжаютъ въ городъ самоѣды отдѣльными партіями человѣкъ по 30 и 40 и заворачиваютъ во дворы заранѣе намѣченныхъ торговцевъ. Ворота на-глухо запираются вслѣдъ за ними, во избѣжаніе прихода кого-нибудь изъ постороннихъ, кому не полагается видѣть ничего, что происходитъ тутъ, и начинается торгъ, продолжающійся иногда до утра. Передъ разсвѣтомъ самоѣды, также партіями и также стараясь сохранить возможную тишину, выбираются изъ города на мѣсто стоянки, находящейся въ урманѣ, верстахъ въ 15—20 отъ Сургута. На слѣдующій день повторяется та-же исторія, и такъ въ продолженіи цѣлаго мѣсяца.

Инородцы привозятъ на ярмарку все, что только даетъ имъ тайга, главное-же мѣсто среди ихъ товаровъ занимаетъ пушнина (преимущественно бѣличьи шкурки) и крупная мороженая рыба — осетры и проч. На эти товары они вымѣниваютъ различные предметы потребленія, въ которыхъ нуждаются, добыть-же личнымъ трудомъ не могутъ.

Увидѣть процессъ этого торга постороннему человѣку крайне затруднительно, ибо сургутскіе торговцы народъ предусмотрительный въ этомъ отношеніи и во время ярмарки не принимаютъ никого изъ чужихъ. Намъ лично только однажды удалось попасть къ одному изъ торгующихъ въ такое время, но и то всего минуты на три. Мы позволимъ себѣ разсказать здѣсь видѣнное нами.

Обширный купеческій дворъ занимали десятки нагруженныхъ товарами самоѣдскихъ санокъ-партъ, между которыми шныряли и суетились самоѣды и самоѣдки, развязывавшіе и увязывавшіе свои товары. Въ сторонѣ, около амбара, освѣщеннаго фонаремъ, хозяйскій сынъ съ работникомъ принималъ отъ нихъ мерзлую рыбу и дѣлалъ на стѣнѣ помѣтки мѣломъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на дворѣ, въ сѣняхъ и на лѣстницѣ, ведущей въ домъ, возвышались цѣлыя горы инородческаго товара. Мы вошли въ домъ. Въ первой освѣщенной висячей лампой комнатѣ, откуда была убрана вся мебель и украшенія, на разостланныхъ по полу оленьихъ шкурахъ сидѣли самоѣды группами всего человѣкъ 30—40. Тутъ-же въ

небольшихъ боченкахъ была поставлена водка, которую самоѣды пили изъ деревянныхъ чашекъ. Въ комнатѣ стоялъ невѣроятный шумъ и гвалтъ, слышались пьяные голоса, раздавалась характерная гортанная рѣчь самоѣдовъ. Воздухъ былъ до невозможности удушливъ, спертъ и пропитанъ рѣзкимъ специфическимъ запахомъ, свойственнымъ самоѣдскому жилищу. Черезъ открытую дверь можно было видѣть внутренность сосѣдней комнаты, гдѣ среди громадныхъ кучъ мѣховаго товара, ситцевъ, суконъ и проч., за конторкой помѣщался самъ хозяинъ дома, человѣкъ уже почтенныхъ лѣтъ. Это былъ природный сургутянинъ-казакъ, разбогатѣвшій исключительно на торговлѣ съ инородцами. Около конторки толпились самоѣды, нѣкоторые выходили въ первую комнату къ сидящимъ тамъ товарищамъ и вновь возвращались. Торгъ шелъ оживленно: самоѣды что-то громко говорили хозяину, перебивая другъ друга, видимо волнуясь, брали съ полу шкурки и хозяйскіе товары, осматривали ихъ со всѣхъ сторонъ, бросали на полъ, потомъ снова поднимали, вообще обнаруживали сильное возбужденіе. Видно было, что они всецѣло погружены въ процессъ обмѣна, являющійся для нихъ далеко не шуточнымъ дѣломъ: имъ приходилось подводить итоги годичнымъ трудамъ, соединеннымъ со всевозможными лишеніями и опасностями, отъ того или другаго исхода торга зависѣла степень обезпеченности на весь будущій годъ. Въ противоположность самоѣдамъ хозяинъ сохранялъ видъ спокойствія и какой-то лѣнивой апатіи, небрежно, почти нехотя отвѣчая на вопросы. Разговоръ происходилъ на самоѣдскомъ языкѣ, и я, разумѣется, ровно ничего не понялъ, да и наблюдать эту сцену мнѣ пришлось недолго, такъ какъ замѣтившій меня вскорѣ хозяинъ сейчасъ-же вышелъ изъ-за конторки и пригласилъ меня въ одну изъ внутреннихъ комнатъ. Уходя черезъ нѣсколько минутъ, я слышалъ, какъ онъ раздраженно кричалъ на работника и бранилъ его за то, что тотъ оставилъ ворота не запертыми и тѣмъ далъ возможность проникнуть въ домъ чужому человѣку въ такую минуту, когда хозяинъ всего менѣе былъ склоненъ принимать у себя кого-бы то ни было. Неудовольствіе его вполнѣ понятно, ибо онъ не могъ сомнѣваться, что мнѣ должны

были броситься въ глаза и боченки, и чашки съ водкой, и сами пьяные самоѣды.

Вообще практикуемые въ Сургутѣ пріемы торговли оставляютъ желать очень и очень многаго. Товары привозятся сюда самаго плохаго качества. Что не находитъ себѣ сбыта въ Тобольскѣ, то везется въ Сургутъ и продается инородцамъ и русскимъ по чудовищнымъ цѣнамъ. Чтобы не быть голословными, приведемъ цѣны на нѣкоторые товары, существовавшія въ нашу бытность въ Сургутѣ въ 80—81 году, и рядомъ цѣны на тѣ-же предмемы въ другихъ городахъ Тобольской губ. и даже въ томъ-же Сургутѣ, только на пароходахъ. Ржаная мука продавалась лѣтомъ на баржѣ, пригнаной изъ Томска по 35—38 коп. за пудъ; сейчасъ-же по уходѣ баржи ту же муку мѣстные торговцы начали продавать по 60—70 к. и, постепенно повышая цѣну, къ веснѣ продавали муку уже по 1 р. 10 к. за пудъ. Кирпичъ чаю зимой въ лавкахъ стоилъ отъ 1 р. 30 к. до 1 р. 50 к., тогда какъ на пароходахъ, останавливавшихся въ Сургутѣ, его продавали по 90—95 к. Цѣна на сахаръ была 45—50 к. фунтъ, $^1/_4$ ф. махорки 15 к., фунтъ свѣчей 25 к., по той-же цѣнѣ продавали керосинъ; за кумачъ самаго низшаго сорта брали по 35—40 к. аршинъ и т. д. Въ то же самое время въ Тарѣ, куда провозъ ничуть не дешевле, сахаръ продавался по 22 к. фунтъ, табакъ 6 к., керосинъ по 7 к., кумачъ по 15 к. аршинъ, при томъ все это несравненно лучшаго качества. И такъ рѣшительно во всемъ—„бери, сколько возможно“ единственный девизъ мѣстныхъ и заѣзжихъ купцовъ въ этомъ заброшенномъ краю.

Какъ ни возмутительно высоки цѣны, которыя платитъ сургутянинъ за всякое гнилье, но онъ, горожанинъ, еще счастливъ сравнительно съ инородцами: онъ покупаетъ на деньги, имѣетъ нѣкоторое понятіе о дѣйствительныхъ цѣнахъ на потребляемые имъ товары, такъ какъ ему иногда приходится покупать ихъ на баржахъ и пароходахъ; онъ кое-что знаетъ и о торговыхъ мѣрахъ длины, вѣса и пр. Его могутъ обмѣрить и обвѣсить, но лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ, дальше которыхъ не рѣшится идти самый беззастѣнчивый кулакъ. Совершенно иначе стоитъ дѣло съ

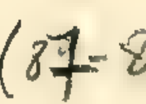
инородцами. Эти находятся въ полной экономической зависимости отъ русскаго, будь онъ купецъ или заурядный сургутянинъ, все равно. Не купи остякъ у русскаго хлѣба, пороху, свинцу по цѣнѣ, которую тому заблагоразсудится назначить, и онъ умретъ съ голода не въ переносномъ, а самомъ буквальномъ, прямомъ смыслѣ слова, ему нечѣмъ будетъ даже охотиться, ловить рыбу; не продай остякъ мѣха, пухъ и проч. тому-же русскому, опять-таки по предлагаемой послѣднимъ цѣнѣ, какъ-бы она ни была низка, и тутъ онъ рискуетъ остаться безъ ничего, такъ какъ ему некуда больше дѣваться со своей добычей, какую-бы цѣнность она ни представляла сама по себѣ, какъ идти въ кабалу къ русскому человѣку.

И сургутяне сознаютъ свою силу и умѣютъ пользоваться ею вполнѣ. Мѣняя свои товары на инородческіе, они всегда всучиваютъ остяку грошовое, никуда негодное гнилье по цѣнѣ, превышающей въ нѣсколько разъ его дѣйствительную стоимость, совершенно игнорируя взгляды инородца на этотъ счетъ, и заставляютъ инородца покупать свой товаръ. Гдѣ нельзя взять прямо, тамъ пускаются въ ходъ всевозможные подвохи, спаиванье и тому подобные пріемы. Но сургутянину мало сбыть дрянь по невѣроятно высокой цѣнѣ, ему еще нужно обезпечить себѣ возможность такого сбыта и на будущее время, и для этого придумана цѣлая система закабаливанья инородца, неособенно замысловатая и сложная, но за то вполнѣ дѣйствительная. Зная честность остяковъ и самоѣдовъ, сургутянинъ старается затянуть ихъ въ долги, ради чего отпускаетъ имъ товаръ въ кредитъ, даетъ задатки и т. д. Разъ остякъ задолжалъ, ему уже никогда не вырваться изъ цѣпкихъ рукъ торговца—проценты и присчитыванье сдѣлаютъ свое дѣло. Нужно-ли говорить о фальшивыхъ вѣсахъ и мѣрахъ? „Остякъ—собака“, и въ сношеніяхъ съ нимъ все дозволительно, думаетъ сургутянинъ и сообразно съ этимъ держитъ себя по отношенію къ инородцамъ. Надо отдать ему полную справедливость: въ различныхъ пріемахъ надувательства остяковъ онъ изощрился и дошелъ до какой-то беззастѣнчивой откровенности и цинизма, чему много способствовало невѣжество, крайняя неразвитость и забитость инородцевъ.

Въ Сургутѣ отъ самихъ обывателей можно слышать множество разсказовъ о различныхъ продѣлкахъ того или другаго мѣщанина-казака. Такъ, намъ передавали, какъ одинъ торговецъ, теперь уже умершій, употреблялъ, какъ орудіе эксплуатаціи, золотой кубокъ, когда-то полученный имъ или его отцомъ изъ Кабинета Его Величества за доставленныя имъ шкурки особенно рѣдкихъ и цѣнныхъ соболей. Когда самоѣдъ не рѣшается уступить свой товаръ по черезчуръ уже низкой цѣнѣ, и всѣ убѣжденія и угрозы уже истощены—такіе случаи „упорства" бываютъ, хотя и очень рѣдко,—тогда онъ прибѣгалъ къ завѣтному кубку, какъ къ послѣднему средству: самоѣду предлагалось уступить въ цѣнѣ и за то выпить изъ кубка, причемъ подробно сообщалось, съ преувеличеніями и прикрасами, конечно, что это за кубокъ, откуда онъ, какое значеніе имѣетъ для хозяина и всякаго крещенаго человѣка, кто изъ него пилъ ранѣе и т. п. Нѣкоторое время бѣдный дикарь колеблется и упирается, но страстная жажда выпить водки, за которую въ извѣстные моменты онъ готовъ продать не только свои товары, но и самаго себя, и еще болѣе великій соблазнъ прикоснуться губами къ священному кубку берутъ, наконецъ, верхъ надъ его слабой волей, и онъ за безцѣнокъ уступаетъ то, что стоитъ большихъ денегъ и далось ему съ такимъ трудомъ[1]).

Мы не будемъ приводить здѣсь другіе примѣры подобныхъ продѣлокъ, тѣмъ болѣе, что объ этомъ предметѣ придется говорить въ слѣдующей главѣ. Здѣсь-же отмѣтимъ слѣдующую черту торговыхъ сношеній сургутянъ съ инородцами.

Каждый торговецъ имѣетъ *своихъ* самоѣдовъ и остяковъ, которые сдаютъ ему всѣ свои товары, знаютъ только его одного и къ другому торговцу уже не обращаются. Да если-бы они и захо-

[1]) Намъ извѣстенъ только одинъ случай, когда инородцы не уступили желаніямъ русскаго и настояли на своемъ. Именно, въ прошломъ 86 году одинъ изъ
самыхъ богатыхъ сургутскихъ купцовъ въ надеждѣ на большія выгоды отправилъ лѣтомъ партію рыбаковъ въ Тазовскую губу, но тамошніе инородцы заявили рыбакамъ, что ловить рыбу они не препятствуютъ, вывезти-же съ мѣста не позволятъ ни одного воза. Послѣ долгихъ препирательствъ сургутяне должны были уступить имъ и ушли ни съ чѣмъ. Говорятъ, убытокъ, понесенный купцомъ, доходитъ до 10 тысячъ.

тѣли завернуть къ кому другому, это имъ никогда не удалось-бы, потому что торговцы на-встрѣчу партіямъ самоѣдовъ высылаютъ на такъ называемую оленью дорогу своихъ подручныхъ, которые зорко слѣдятъ, чтобы никто изъ самоѣдовъ не увильнулъ въ чужія ворота. Здѣсь-же заманиваются и тѣ самоѣды, которые раньше не бывали въ Сургутѣ и потому не закабалены еще никому изъ мѣстныхъ торговцевъ. Такимъ образомъ каждый торговецъ имѣетъ извѣстное число инородческихъ семействъ, состоящихъ его постоянными покупателями и въ то-же время неоплатными должниками, и это число зависитъ отъ степени зажиточности и размѣровъ оборотовъ торговца.

Если на ярмаркѣ торгуютъ лишь немногіе сургутяне, которымъ случай, энергія или другія личныя качества дали возможность разбогатѣть и выдѣлиться изъ сѣрой массы остальнаго населенія, то и эта послѣдняя не упускаетъ случая поторговать хоть немного. Невозможность участвовать въ ярмарочныхъ сдѣлкахъ не мѣшаетъ заурядному сургутянину время отъ времени совершать небольшія торговыя экскурсіи, „ходить въ остяки", какъ выражаются сургутяне. Чаще всего происходитъ это слѣдующимъ образомъ. Скопивши немного деньжонокъ, казакъ покупаетъ четверть—двѣ водки, разбавляетъ ее приличнымъ количествомъ воды, подсыпаетъ туда табаку или мухомора и отправляется торговать, т.-е. вымѣнивать на эту смѣсь у остяковъ ихъ товары—мѣха, рыбу, пухъ, орѣхъ и проч. Операція этого рода настолько выгодна, что о съѣздившихъ въ остяки раза два—три зимою говорятъ: „они въ эту зиму мало-мало поправились". Но, къ великому прискорбію сургутянъ, это удается лишь очень немногимъ, громадному-же большинству приходится довольствоваться заманчивыми мечтами о подобной торговлѣ и много-много продать бутылочку—другую водки. Нѣкоторые-же изъ горожанъ только тѣмъ и заняты, что ѣздятъ изъ города въ округъ и обратно.

Мы не хотимъ сказать, что *всѣ* сургутяне неудержимо стремятся къ торговлѣ водкой съ остяками и такимъ путемъ эксплуатируютъ ихъ—нѣтъ, среди нихъ есть люди, относящіеся отрицательно къ подобнымъ коммерческимъ предпріятіямъ. Тѣмъ не ме-

нѣе, таково преобладающее направленіе, придающее извѣстную окраску всему городскому населенію, кладущее на него рѣзкій отпечатокъ любителей легкой наживы, только въ силу безусловной необходимости занимающихся трудомъ.

IV.

ОЧЕРКЪ ЭКОНОМИЧЕСКАГО БЛАГОСОСТОЯНІЯ.

Степень зажиточности городскаго населенія; отдѣльные примѣры.—Отсутствіе нищенства.—Зависимость благосостоянія отъ промысловъ, торговли и другихъ причинъ.—Зажиточность деревенскаго населенія; трудъ единственный источникъ ея.—Различіе между городомъ и деревней въ этомъ отношеніи.—Нищета остяковъ; причины ея.—Вліяніе нищеты на развитіе болѣзней и вымираніе племени.

Въ двухъ предыдущихъ главахъ мы перечислили всѣ имѣющія для этого далекаго края болѣе или менѣе серьезное значеніе занятія—различные промыслы, домашнія работы, ремесла и торговлю. Теперь самъ собою возникаетъ вопросъ первостепенной важности: въ какой мѣрѣ всѣми этими занятіями обезпечивается сургутскій житель, иначе говоря, вопросъ о степени экономическаго благосостоянія мѣстнаго населенія.

По степени экономической обезпеченности, какъ и по образу жизни вообще, умственному развитію и прочему, населеніе края не представляетъ однородной, сплошной массы, но распадается на три рѣзко отличающіяся одна отъ другой группы: городское населеніе, крестьянъ округа и инородцевъ, живущихъ отдѣльно отъ русскихъ въ округѣ. Каждая изъ названныхъ группъ живетъ своей собственной, обособленной жизнью, и уровень зажиточности ихъ далеко не одинаковъ. Горожане и остяки представляютъ два, промежуточное мѣсто между которыми занимаютъ крестьяне. Руководствуясь такимъ различіемъ въ средѣ населенія, мы и будемъ разсматривать каждую группу отдѣльно.

Общій уровень благосостоянія горожанъ, говоря безотноситель-

но, довольно высокъ. Горожанинъ всегда имѣетъ собственный болѣе или менѣе просторный домъ, всегда сытъ, тепло одѣтъ, работой себя не нудитъ до такой степени, что въ зимніе мѣсяцы буквально по цѣлымъ недѣлямъ ничего не дѣлаетъ, слѣзая съ печи только для того, чтобы поѣсть да развѣ кому-нибудь изъ домашнихъ сдѣлать приличное родительское внушеніе въ формѣ хорошей трепки. Послѣднее, впрочемъ, не относится къ женской половинѣ населенія, всегда, и лѣтомъ, и зимой, равно поглощенной какой-нибудь работой по хозяйству. Между отдѣльными горожанами, разумѣется, существуетъ разница въ степени обезпеченности, и среди нихъ на ряду съ богатѣемъ-торговцемъ можно встрѣтить вдову-мѣщанку, неимѣющую ни коровы, ни лошади. Но вы не встрѣтите здѣсь той голи перекатной, едва прикрытой какою-то невообразимой рванью, голи, вѣчно голодной и ютящейся по различнымъ трущобамъ, которая такъ характерна для другихъ сибирскихъ городовъ, да и сибирскихъ-ли только? Нищихъ, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, здѣсь нѣтъ, по крайней мѣрѣ, не было въ нашу бытность тамъ; общественной-же благотворительностью пользовался больной, не могшій ходить 90-лѣтній старикъ, бывшій сургутскій житель, раззорившійся и неимѣвшій родственниковъ, да старуха-остячка, съ подросткомъ дѣвочкой жившая въ урманѣ вблизи города. Мы сдѣсь говоримъ о городскомъ населеніи, и потому остячка, доведенная до нищенской сумы совершенно инымъ складомъ жизни, въ счетъ идти не можетъ. Что-же касается старика, то его также нельзя причислять къ обыкновеннымъ нищимъ—милостыни онъ никогда не просилъ и жилъ на трехрублевое ежемѣсячное пособіе отъ мѣщанскаго общества, да на приношенія личныхъ знакомыхъ.

Чѣмъ обусловливается эта зажиточность? Развитіемъ-ли ремесленности, промысловыми работами или иными причинами?

Мы видѣли уже выше, что ремесленность въ Сургутскомъ краѣ находится въ зачаточномъ состояніи, а кустарная промышленность совсѣмъ отсутствуетъ. Остаются, слѣдовательно, скотоводство, промыслы и торговля. Скотоводство составляетъ одну изъ видныхъ доходныхъ статей каждаго сургутянина, но еще болѣе

видное мѣсто занимаютъ промыслы, это, такъ сказать, основа, на которой зиждется благосостояніе всего края, и торговля. Кромѣ того, для большинства мѣщанъ имѣетъ не менѣе серьезное значеніе и казенная субсидія, въ видѣ муки и крупъ, получаемая ими, какъ бывшими казаками.

Чтобы составить себѣ болѣе вѣрное представленіе о зажиточности сургутянъ, возьмемъ двѣ—три городскихъ семьи и разсмотримъ ближе ихъ матеріальную обстановку, работы и проч. Этимъ путемъ легче выяснить вмѣстѣ съ тѣмъ и источникъ ихъ благосостоянія. Беремъ примѣры, ближе намъ знакомые.

Вотъ семья изъ четырехъ членовъ—матери вдовы, еще крѣпкой и бодрой женщины, сына лѣтъ 26—28, его жены почти одного съ нимъ возраста и ихъ ребенка 2—3 лѣтъ. Какъ по численному составу[1]), такъ и по экономическому благосостоянію, эту семью можно считать за среднюю въ Сургутѣ. Недвижимость семьи состоитъ изъ еще не стараго, крѣпкаго дома изъ двухъ половинъ раздѣленныхъ сѣнями; въ одной половинѣ чистая, свѣтлая комната, въ другой большая изба съ русской печью. При домѣ различныя службы—сараи, амбары, погребъ и проч.; тутъ-же за домомъ огородъ грядъ въ двадцать пять—тридцать. За городомъ имѣется загородь для коней и мшенный хлѣвъ для коровъ и овецъ[2]). Скотины держатъ: двѣ добрыхъ, сильныхъ лошади съ жеребенкомъ, три коровы и штукъ шесть овецъ. Занятія семьи: весной хозяинъ частью неводилъ, частью рубилъ дрова въ урманѣ для себя; женщины, собственно старуха, добыли перевѣсомъ до 150 утокъ. Во второй половинѣ лѣта хозяинъ ходилъ орѣшить и выручилъ рублей до 80, женщины въ это время косили. Зимою хозяинъ опять неводилъ и рубилъ дрова уже для парохода, для котораго поставилъ двѣ—три сажени, по 1 р. 50 к. Сверхъ того, женщинами былъ воздѣланъ, засѣянъ и убранъ огородъ, доставившій запасъ

---

[1]) Въ Сургутѣ нѣтъ большихъ семей, такъ какъ женатые братья живутъ почти всегда въ раздѣлѣ.

[2]) Здѣсь скотину держатъ не при домѣ, а за городомъ въ такъ называемыхъ загонахъ и загородяхъ. Каждый домохозяинъ имѣетъ свой загонъ и хлѣвъ.

картофеля на всю зиму, да хозяинъ убилъ въ этотъ годъ нѣсколько бѣлокъ и одну выдру. Таковъ заработокъ семьи за годъ. Мы не считаемъ многочисленныхъ домашнихъ работъ, которыми женщины были заняты буквально все свободное отъ промысловыхъ занятій время. Подводя итогъ, будемъ имѣть: орѣхъ 80 р., дрова на пароходъ—3—$4^1/_2$ р. и 2 р. выдра = 85—86 р. 50 к. деньгами; запасъ на годъ картофеля, соленаго утинаго мяса, корма скотинѣ и дровъ; пухъ и перо съ утокъ и бѣличьи шкурки были спрятаны дочери въ приданое. Къ этому слѣдуетъ прибавить 18 пудовъ ржаной муки и 6 пудовъ ячной крупы, которые хозяинъ получилъ изъ казны[1]). Такимъ образомъ, годичный трудъ двухъ женщинъ и шестимѣсячный трудъ мужчины (во всю зиму хозяинъ проработалъ всего мѣсяца два), доставилъ годовой запасъ жизненныхъ продуктовъ, извѣстную сумму денегъ и возможность отложить кое-что въ приданое дочери, которой всего около трехъ лѣтъ. Значительная часть денегъ ушла на чай, сахаръ, мережу, веревки, пополненіе одежды для членовъ семьи, вино и прочіе обязательные расходы, но все-таки старуха отложила немного на черный день.

Вторая знакомая намъ, болѣе зажиточная семья состоитъ изъ еще не старыхъ родителей, двухъ сыновей 22 и 18 лѣтъ и двухъже дочерей 20 и 13 лѣтъ; имѣетъ домъ въ двѣ комнаты съ кухней, отдѣльную избу, много надворныхъ построекъ; держитъ 5 лошадей, 4 коровы и пару свиней, домашнюю птицу, какъ и въ первомъ примѣрѣ, не считаемъ. Доходы этой семьи состояли въ слѣдующемъ: на пароходъ поставили въ годъ 20 саж. дровъ за 30 рублей, отдавали домъ въ наймы за 36 р., раза три за зиму ѣздили съ кладью въ Самаровское и вверхъ по Оби, за что получили 40 р., въ полицію продали дровъ рублей на 10—12. Стару-

---

[1]) Со времени уничтоженія казачьей команды не всѣ бывшіе казаки продолжаютъ получать казенную субсидію, а лишь тѣ изъ нихъ, кто къ означенному моменту еще состоялъ на дѣйствительной службѣ. Размѣръ пособія опредѣляется особымъ положеніемъ. Съ каждымъ годомъ число получающихъ казенную муку и крупу сокращается, и уже недалеко то время, когда эта помощь правительства вовсе прекратится.

ха ловила утокъ, пухъ и перья которыхъ продала, за сколько—не упомнимъ. Не можемъ также, къ сожалѣнію, даже приблизительно опредѣлить сумму, вырученную отъ торговли съ остяками, такъ какъ пушной товаръ, полученный отъ остяковъ и впослѣдствіи проданный купцамъ, вымѣнивался на водку. Сыновья въ нѣсколько поѣздокъ на промыселъ добыли рыбы на годъ. Далѣе—доходъ отъ огорода, муки 36 и крупы 18 пудовъ на отца и сыновей и т. д. Ни отецъ, ни сыновья не занимаются охотой и орѣшеньемъ. Вся семья принадлежитъ къ числу самыхъ работящихъ въ городѣ.

Возьмемъ еще одну семью мѣщанъ не изъ казаковъ, значительно бѣднѣе двухъ предыдущихъ. Составъ семьи таковъ: старикъ отецъ, мать—женщина среднихъ лѣтъ и двѣ взрослыхъ дочери, изъ которыхъ одна живетъ на заработкахъ въ Томскѣ. Никакими промыслами не занимаются, скотины совсѣмъ не держатъ. Хозяинъ почти ничего не дѣлаетъ, если не считать за работу, что нѣсколько разъ въ годъ съѣздитъ на сосѣдской лошади въ урманъ по дрова да изрѣдка поторговываетъ водкой съ остяками. Домъ довольно просторный—двѣ комнаты и кухня, при домѣ службы, но все это запущено и разваливается. Доходы семьи состоятъ въ платѣ за домъ—24 р. постоянныхъ и 5—8 р. временами, да дочь присылаетъ рублей 10 въ годъ. Вотъ и всѣ заработки, если не считать того, что получается съ огорода, да ничтожныхъ доходовъ отъ женскихъ рукодѣлій. Казалось-бы, на какіе-нибудь 40—50 р. трудно прожить семьѣ изъ трехъ человѣкъ, имѣя даже собственный домъ, огородъ и дрова, тѣмъ болѣе при той дороговизнѣ, которая существуетъ въ Сургутѣ на всѣ предметы потребленія, а между тѣмъ семья живетъ довольно сносно, сравнительно, напримѣръ, съ большинствомъ тюкалинскихъ мѣщанъ: ей неизвѣстна нужда, не говоримъ уже о голодѣ, всегда всѣ сыты, одѣты, чай безъ сахару не пьютъ, что въ Сургутѣ составляетъ рѣдкость, и это при одномъ работникѣ, который девять десятыхъ своего времени бездѣльничаетъ и валяется на кровати. Въ данномъ случаѣ вывозитъ торговлишка съ остяками. Не смотря на ея ничтожность, она все-же достаточна, чтобы прокормить трехъ человѣкъ.

Приведенныхъ примѣровъ, думаемъ, довольно, чтобы сдѣлать

заключеніе о характерѣ зажиточности городскаго населенія. Объ отклоненіяхъ въ сторону бѣдности и значительнаго богатства мы не говоримъ, потому что и то, и другое составляетъ сравнительно рѣдкое исключеніе, подавляющее-же большинство принадлежитъ къ разряду среднезажиточныхъ. Источникомъ благосостоянія, по вышеприведеннымъ типическимъ примѣрамъ, служатъ промыслы, торговля и казенный паекъ. Тѣ-же самые три источника, разумѣется, въ различныхъ сочетаніяхъ, являются основой для благосостоянія городскаго населенія, разница только въ томъ, что одинъ совсѣмъ торговлей не занимается, а налегаетъ больше на промыслы, другой не получаетъ пайка, работаетъ настолько мало, на сколько это только возможно, и направляетъ свою энергію на эксплуатацію остяковъ при помощи торговли и т. п.

Сургутская природа такъ богата и щедра, что достаточно человѣку потратить два—три дня, чтобы обезпечить себя пищей на мѣсяцъ (рыбный промыселъ), пять—шесть недѣль, употребленныя на промыселъ кедровый, доставляютъ нѣсколько десятковъ рублей, которыхъ вмѣстѣ съ другими доходами будетъ достаточно для удовлетворенія нехитрыхъ потребностей обывателей въ теченіи цѣлаго года. Можетъ быть простой, черный трудъ человѣка, не обладающаго ни общими, ни техническими знаніями, не оплачивается нигдѣ въ Тобольской губерніи такъ высоко, какъ именно въ этомъ отдаленномъ уголкѣ.

Казалось-бы, какъ не работать при такихъ условіяхъ, а между тѣмъ сургутскій мѣщанинъ-казакъ не чувствуетъ къ труду особой склонности, нѣтъ у него такого отношенія къ нему, какое наблюдается повсемѣстно у крестьянъ, какъ къ чему-то обязательному, самимъ Богомъ установленному, безъ чего человѣкъ жить не можетъ, и самая жизнь теряетъ смыслъ. Сургутянинъ смотритъ на дѣло иначе: онъ работаетъ, на сколько это необходимо; поэзія-же труда, наслажденіе „биться на работѣ“ ему не доступны и чужды. Его идеалъ—возможно „легкая“ жизнь, онъ больше стремится къ торговлѣ, хотя-бы она и доставляла ему меньше барышей, чѣмъ промысловый трудъ, напримѣръ,—черта, на нашъ взглядъ, характерная и заслуживающая вниманія.

Сургутъ прежде всего сибирскій городъ, и это всегда слѣдуетъ помнить, когда рѣчь заходитъ о той или иной чертѣ характера его населенія. Дѣло въ томъ, что, благодаря многимъ причинамъ, толковать о которыхъ было-бы здѣсь неумѣстно, Сибирь въ значительной степени страна легкой наживы, что относится преимущественно къ городамъ. Примѣры быстраго обогащенія при помощи торговли съ инородцами и эксплуатированія ихъ—этихъ паріевъ Сибири, и другихъ паріевъ—уголовныхъ ссыльныхъ, у всѣхъ на виду; случаи, когда человѣкъ буквально изъ ничтожества, изъ кабацкаго сидѣльца или торговца телятами, въ нѣсколько лѣтъ возносился на недосягаемую для массы высоту, превращался въ обладателя сотенъ тысячъ, такіе случаи, довольно частые, бьютъ по нервамъ простаго обывателя и разжигаютъ въ немъ самые низменные инстинкты, вызываютъ страстное, неудержимое стремленіе выбиться изъ своего темнаго существованія, влеченіе къ легкой наживѣ, торговлѣ, эксплуатаціи своего ближняго. Понятно, что трудъ отходитъ на второй, даже третій планъ. И вотъ сибирякъ-горожанинъ вообще, а сургутянинъ въ частности, разъ вкусивши прелестей наживы, начинаетъ чувствовать отвращеніе и презрѣніе къ труду, какъ-бы хорошо онъ ни оплачивался, относиться къ нему, какъ къ чему-то низменному, недостойному человѣка, стремящагося „выйти въ люди", и въ такомъ тронутомъ человѣкѣ понятіе о трудѣ постепенно вытѣсняется и замѣняется вожделѣніемъ къ гешефтамъ и торговлѣ, притомъ къ самымъ отталкивающимъ ея видамъ, какъ къ самымъ выгоднымъ въ денежномъ отношеніи—къ тайной торговлѣ водкой, краденымъ золотомъ и т. п. Корчемство въ Сибири слишкомъ общеизвѣстное явленіе, чтобы о немъ стоило говорить. Для сургутянина такою pia desideria является мѣновая торговля съ остяками и самоѣдами; чѣмъ самому биться на промыслахъ, зябнуть, мокнуть, претерпѣвать всяческія лишенія, гораздо лучше, удобнѣе и меньше безпокойствъ, если всю непріятную и опасную сторону промысла возьметъ на себя полудикій, голодный инородецъ и своей добычей обмѣняется на водку, перемѣшанную съ водой, мухоморомъ, табакомъ,—такъ или приблизительно такъ разсуждаетъ сургутянинъ и начинаетъ опе-

рировать надъ остякомъ. Но тутъ громадному большинству горожанъ приходится переживать тяжелыя разочарованія и жестокія крушенія своихъ несложныхъ идеаловъ; рѣдко кому удается выбиться изъ общей массы и стать заправскимъ торговымъ человѣкомъ, для большинства-же это навсегда остается недосягаемой, прекрасной, безплодно дразнящей мечтой, такъ какъ много нужно особенно благопріятныхъ условій, чтобы сургутянину удалось выйти въ люди въ его смыслѣ слова—нужны свободныя деньги, а ихъ-то именно у него и не бываетъ, хотя онъ и хорошо живетъ, но деньги у него не водятся,—онѣ неудержимо плывутъ изъ его рукъ въ руки тобольскихъ и иныхъ купцовъ; нужна выдержка, энергія, которыхъ также недостаетъ ему, и которыя замѣняются лѣнью, неподвижностью и отвращеніемъ ко всему, что требуетъ продолжительнаго, упорнаго труда и заботъ; нужны ловкость и смѣлость для торговли водкой (а торговать другими предметами какой-же интересъ!), сопряженной съ рискомъ отвѣтственности, и ничѣмъ этимъ сургутянинъ опять-таки не обладаетъ—онъ труслив҇ъ и не поворотливъ. Какія условія выработали такой характеръ въ городскомъ обывателѣ, это другой вопросъ, котораго мы не будемъ теперь касаться. Намъ важно было лишь отмѣтить, что именно мѣшаетъ сургутянину добиваться желаннаго имъ благополучія.

Считаемъ нелишнимъ оговориться вновь. Отмѣчая предпочтеніе, отдаваемое торговлѣ передъ другими занятіями, ихъ стремленіе къ легкой наживѣ и пр., мы имѣемъ въ виду, такъ сказать, настроеніе массы, а не фактическую сторону торговыхъ сношеній съ инородцами, которая часто несоотвѣтствуетъ желаніямъ и настроенію населенія[1]).

Другую причину такого отношенія къ труду слѣдуетъ искать въ положеніи городскихъ обывателей. Большинство изъ нихъ, какъ бывшіе казаки, до сихъ поръ еще находятся подъ извѣстной опекой, получаютъ казенные пайки муки и крупъ, а до недавняго

[1]) Можетъ быть, именно этимъ настроеніемъ слѣдуетъ объяснять, что сургутянинъ, побывавшій въ другихъ городахъ и тамъ познакомившійся съ иными способами наживы, охладѣваетъ къ своему городу и бѣжитъ изъ него.

времени, 82 года, находились на полномъ иждивеніи правительства. Почти даровое полученіе хлѣба въ теченіе длиннаго ряда поколѣній, разумѣется, не могло не отразиться самымъ пагубнымъ образомъ на нравственномъ складѣ населенія, не могло не оторвать ихъ отъ труда, соединеннаго съ заботами и неудобствами.

Во всякомъ случаѣ, ни казенная субсидія, ни періодическіе набѣги въ остяки не освобождаютъ сургутянъ отъ необходимости работать хоть сколько-нибудь—къ казенной кашѣ все-таки хочется и рыбки, нужно и деньжонокъ заработать немножко, чтобы пріобрѣсти платье, пить постоянно чай и т. д. Все это дѣлаетъ *промысловый трудъ*, какъ нимало имъ занимаются обыватели, *главнымъ источникомъ благосостоянія горожанъ, торговля-же и казенный паекъ играютъ роль подспорья.*

Иначе сургутская деревня.

Русское населеніе по своей зажиточности ничуть не уступаетъ горожанамъ, даже напротивъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ деревняхъ, лежащихъ отъ Сургута внизъ по Оби, крестьяне живутъ гораздо богаче мѣщанъ-казаковъ, хотя это, быть можетъ, и не сразу бросится въ глаза: строй деревенской жизни, низшая культура и другія условія стушевываютъ дѣйствительное положеніе вещей. Правда—здѣсь меньше сравнительно съ городомъ держатъ скота, но богатство выражается въ большемъ количествѣ лодокъ, сѣтей и всякихъ другихъ принадлежностей промысловъ; у крестьянина больше денегъ. Онъ не ведетъ такой торговли съ остякомъ, какъ горожанинъ, но больше продаетъ продуктовъ собственнаго труда—рыбы, звѣриныхъ шкуръ, птицы и проч.

Но главное характерное различіе между городскимъ жителемъ и крестьяниномъ округа въ сферѣ экономическаго благосостоянія заключается не въ этомъ, а въ самыхъ источникахъ его. Въ то время, какъ горожанинъ употребляетъ возможный minimum труда и выискиваетъ другіе болѣе легкіе способы существованія, деревенскій житель всецѣло поглощенъ промысловымъ трудомъ, ему, какъ говорится, дохнуть некогда: едва успѣетъ отойти время одного промысла, какъ его ждетъ уже другой, а тамъ третій, и такъ круглый годъ. *Исключительной основой существованія крестъ-*

янина сургутской деревни, какъ и всякой другой деревни, *является трудъ*, тяжелый, полный опасности и лишеній трудъ промышленника. Закинутый въ глухую лѣсную трущобу, никогда ни отъ кого не получавшій помощи—въ формѣ-ли казеннаго пайка или въ иной, поставленный лицомъ къ лицу съ дикой, суровой природой, здѣшній крестьянинъ естественно принужденъ былъ вступить съ нею въ борьбу, отвоевывая у ней право на существованіе. Понятно, онъ могъ надѣяться только на себя, на свою личную предпріимчивость, энергію, силу, словомъ, на собственный трудъ. Въ силу этихъ причинъ у него развилось не такое отношеніе къ труду, какъ у горожанъ: онъ не смотритъ на него, какъ на постылую обязанность, но въ немъ только видитъ смыслъ жизни, источникъ радостей и горя, безъ труда для него непонятно самое существованіе. По той-же причинѣ въ крестьянинѣ не выработалось склонности къ торговлѣ и легкой наживѣ, какъ въ горожанинѣ, не смотря на очень близкое сосѣдство съ остяками. Мы, разумѣется, не говоримъ объ исключеніяхъ, которыя найдутся и здѣсь, какъ вездѣ.

Зажиточность русскаго населенія представляетъ рѣзкій контрастъ съ нищетой инородцевъ. Остякъ, занимаясь всѣми тѣми-же промыслами, какъ и крестьянинъ, работаетъ ничуть не меньше,—пожалуй, даже больше послѣдняго, а между тѣмъ едва-едва влачитъ свое жалкое существованіе.

Скота сургутскіе остяки не держатъ, если не считать нѣсколькихъ болѣе состоятельныхъ семей, у которыхъ имѣются олени. Кое-кто держитъ собакъ для ѣзды по р. Ваху.

Такимъ образомъ, для нихъ остается одинъ источникъ существованія—промыслы, но и тутъ, благодаря условіямъ, о которыхъ мы говорили выше, остякъ поставленъ въ крайне-незавидное положеніе: какъ ни велики его труды, и какъ ни рискуетъ онъ на промыслахъ своимъ здоровьемъ и жизнью, всѣ выгоды достаются не ему, а русскимъ сосѣдямъ и крупнымъ рыбопромышленникамъ. На себя остякъ промышляетъ рѣдко; только охота да ловля птицы не находятся непосредственно въ рукахъ русскихъ богачей. Онъ почти всегда работаетъ на частныхъ промыслахъ купцовъ,

эксплуатирующихъ самымъ возмутительно-безсовѣстнымъ образомъ ихъ трудъ. Выше мы видѣли, какъ это производится, какъ остяцкія угодья перешли въ руки тобольскихъ и самаровскихъ рыбопромышленниковъ. Все это ставитъ остяка въ положеніе, по-истинѣ, худшее, чѣмъ крѣпостная зависимость—помѣщикъ все-таки былъ заинтересованъ въ сохраненіи если не здоровья, то жизни своихъ крѣпостныхъ, тогда какъ здѣсь похоть стяжанія не знаетъ никакихъ предѣловъ, не сдерживается никакими препонами. Что за дѣло рыбопромышленнику, что, работая на него, остякъ умираетъ отъ чрезмѣрнаго труда, холода, голода? Умретъ одинъ, на его мѣсто явится другой такой-же остякъ, который также будетъ надрываться надъ работой, также голодать и мокнуть въ водѣ. И остяки умираютъ на промыслахъ тысячами отъ голода и всяческихъ лишеній. Объ ихъ бѣдствіяхъ писалось уже много разъ, и мы подробно останавливаться на этомъ не будемъ.

Благодаря крайней нищетѣ, скученности въ жилищахъ (въ одной юртѣ живетъ по нѣскольку семействъ), голодовкамъ и прочимъ неблагопріятнымъ условіямъ, среди остяцкаго населенія страшно свирѣпствуютъ сифилисъ, лихорадки, тифъ, оспа. О медицинской помощи, конечно, и рѣчи быть не можетъ, и остяки мрутъ, какъ мухи. Къ болѣзнямъ присоединяются періодическія общія голодовки остяковъ, также уносящія много жертвъ въ могилу. Во время голодовокъ, безпомощность населенія достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Такъ, въ послѣдній голодъ, бывшій нѣсколько лѣтъ назадъ, остяки буквально сотнями мерли съ голоду; встрѣчались юрты, всѣ жители которыхъ вымирали, въ избахъ валялись непогребенные трупы. И такія голодовки дѣло вовсе не исключительное: за послѣдніе десять лѣтъ подобный голодъ среди остяковъ былъ дважды, насколько намъ извѣстно. О причинахъ, вызывающихъ его, не можемъ ничего сказать, такъ какъ не были лично свидѣтелями, основываться-же въ этомъ отношеніи на словахъ обывателей не рѣшаемся.

Чего не могутъ сдѣлать голодъ и болѣзни, то доканчиваетъ русскій кулакъ и тобольская водка. Вымираніе остяковъ—фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію, оно идетъ быстро, неуклонно.

Причина вымиранія—та экономическая кабала, въ которой находится остякъ, отнимающая у него буквально все, начиная съ труда и кончая жизнью, во-первыхъ, развитіе эпидемическихъ болѣзней и пьянства, во-вторыхъ.

Таково современное положеніе остяцкой части населенія Сургутскаго округа.

V.

СТЕПЕНЬ КУЛЬТУРНАГО РАЗВИТІЯ.

Жилища остяковъ и русскихъ.—Одежда и обувь.—Пища.—Вліяніе инородцевъ на русское населеніе выражается въ одеждѣ и пищѣ.—Культурное вліяніе русскихъ на инородцевъ.—Низкій уровень потребностей.—Промысловыя орудія.—Неумѣнье пользоваться находящимися подъ руками богатствами природы.

Степень культуры, насколько она выражается въ жилищахъ, одеждѣ, пищѣ, орудіяхъ труда и пр., не высока въ описываемомъ краѣ. Русская часть населенія, конечно, культурнѣе, его потребности шире, чѣмъ у сосѣднихъ остяковъ, но и для нея остается желать очень и очень многаго. Болѣе близкое знакомство съ характеромъ жилищъ, качествомъ пищи и проч., яснѣе покажетъ это. Для удобства мы вездѣ будемъ разсматривать отдѣльно всѣ эти предметы по отношенію къ русскимъ и къ инородцамъ.

Всего замѣтнѣе культурность сургутянъ выражается въ жилищахъ. Постройка домовъ, какъ въ городѣ, такъ и въ деревняхъ, двухъ типовъ: пятистѣнный, состоящій изъ чистой комнаты и кухни со стряпущей печью, причемъ комната обыкновенно раздѣлена перегородкой на „горницу“ и маленькую „боковушу“; другой типъ—„связной“ домъ, въ которомъ также есть чистая комната и кухня, раздѣленныя между собой просторными бревенчатыми стѣнами. Къ пятистѣнному дому обыкновенно пристраивается тесовое крылечко съ чуланомъ—„казёнкой“. Оба эти типа домовъ повсемѣстно распространены по Тобольскому округу и оттуда, несомнѣн-

но, занесены плотниками и въ Сургутъ. Сами сургутяне плотничать не умѣютъ и имъ волей-неволей всегда приходится обращаться за мастерами на-сторону, именно въ Тобольскій округъ, какъ ближайшій, и отъ нихъ-же принимать готовые образцы построекъ. Этимъ обстоятельствомъ, т.-е. заимствованіемъ, помимо выбора, чужихъ образцовъ, и объясняется тотъ фактъ, что именно въ жилищахъ сургутянъ проглядываетъ наибольшая степень культурности, меньшая степень подчиненности инородческому вліянію, нежели во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Внутренняя обстановка сургутскаго дома всегда производитъ благопріятное, выгодное впечатлѣніе: достаточно свѣту, чистый, застланный половиками полъ, бѣленый потолокъ, стѣны или также бѣленыя, или же оклеены дешевыми, всегда свѣтлыми обоями. Около входной двери или въ слѣдующей комнаткѣ „боковушкѣ", за ситцевой занавѣской кровать съ периной, ситцевымъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ одѣяломъ, часто на пуху, и нѣсколькими пуховыми подушками. Мебель простая, деревянная—два—три стола, неизбѣжная „канапель" (родъ дивана) и нѣсколько стульевъ. Таковъ видъ комнаты. Изба также раздѣлена перегородкой на двѣ части; въ одной помѣщается печка и разныя принадлежности стряпни, въ другой обѣденный столъ, лавки вдоль стѣнъ; иногда кровать въ углу, также за занавѣской; стѣны выбѣлены или чисто выскоблены ножомъ.

Чистота и домовитость—вотъ первое общее впечатлѣніе, но оно несовсѣмъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ, чистота сургутскаго дома очень обманчива: загляните за печку, и вы тамъ найдете цѣлые косяки таракановъ; отдерните кусочекъ обоевъ около кровати, шевельните постель—и миріады клоповъ вылѣзутъ изъ всѣхъ щелей; загляните въ горшокъ, въ которомъ варится похлебка, держится молоко, васъ стошнитъ отъ той неопрятности, которую тамъ найдете, хотя снаружи тотъ-же горшокъ блещетъ чистотой. И такъ все въ домѣ—снаружи чистота и блескъ, внутри—грязь и мерзость, первое для другихъ, для видимости, второе для себя.

Не смотря на то, что дома строятся изъ толстаго лѣса, нельзя

сказать, чтобы они отличались теплотой. Отчасти это объясняется плохимъ устройствомъ печей, но главнымъ образомъ отсутствіемъ земляныхъ накатовъ подъ поломъ—до этого сургутяне еще не додумались. Подъ каждымъ домомъ есть подполье, гдѣ зимою сохраняются овощи.

При домѣ всегда имѣется обширный дворъ, застроенный рядомъ сараевъ, амбаровъ, погребовъ и т. п., а сзади дома большой огородъ. Въ амбарахъ и сараяхъ помѣщаются разныя промысловыя снасти, домашній скарбъ и проч. Скотина при домѣ не держится, а потому дворы также отличаются сравнительной чистотой и опрятностью.

За городомъ, по берегамъ рѣчки расположены такъ называемые загоны и загороди для скота. Для лошадей не дѣлается никакихъ приспособленій, могущихъ защищать ихъ отъ морозовъ и жестокихъ сургутскихъ бурановъ: весь загонъ состоитъ изъ мѣста, огороженнаго жердями. Помѣщенія для коровъ и мелкаго скота на мху изъ сосноваго лѣса. Около загородей отводится особое мѣсто, гдѣ складывается сѣно. Всѣ загоны и загороди расположены въ двухъ—трехъ мѣстахъ, образуя собою какъ-бы особые городки, кучки юртъ. Почему скотъ держатъ за городомъ, что сопряжено съ нѣкоторыми неудобствами для хозяевъ? Отнюдь не слѣдуетъ думать что тутъ имѣются въ виду какія-нибудь гигіеническія соображенія; дѣло объясняется гораздо проще: изъ загородей, расположенныхъ вдали отъ города, на самомъ берегу рѣчки, незачѣмъ вывозить навозъ и вообще много возиться съ навозомъ, достаточно взять лопату и выкинуть его за заборъ въ рѣчку. Сургутяне такъ и дѣлаютъ. Когда навозу накопится столько, что ни человѣку, ни скотинѣ пройти нельзя, его спроваживаютъ въ рѣчку—и просто, и удобно. А если бабамъ и приходится ежедневно терять много времени на путешествіе въ загонъ и обратно, бѣгать туда и днемъ, и ночью, во всякую погоду, то вѣдь на то она и баба, чтобы терпѣть всю жизнь всевозможныя неудобства и брать на себя какъ можно больше труда, давая этимъ возможность мужу валяться по суткамъ на печи въ полудремотномъ состояніи. Устройство загородей имѣетъ одну цѣль—освободить мужчину отъ

лишняго труда, взваливъ его въ иной формѣ на плечи женщины.

Если жилища русскихъ Сургутскаго округа и не свидѣтельствуютъ о высокой культурѣ, все-же они довольно опредѣленно указываютъ на извѣстную обезпеченность, достатокъ населенія. У инородцевъ наблюдается обратное.

Здѣсь жилища съ поразительной ясностью показываютъ, на какомъ низкомъ уровнѣ культурнаго развитія стоятъ остяки и какъ ничтожно ихъ благосостояніе.

Остяцкія жилища двухъ родовъ—зимнія и лѣтнія. И тѣ, и другія одинаково носятъ названіе юрты, по крайней мѣрѣ, такъ называютъ ихъ русскіе.

Зимняя юрта—это бревенчатый срубъ безъ крыши или, правильнѣе сказать, съ земляной крышей. Вмѣсто окна въ стѣнѣ пробита дыра въ квадратный футъ, заткнутая пузыремъ, масляной бумагой или, еще чаще, обтесаннымъ кускомъ льда. Другая такая-же дыра нѣсколько большихъ размѣровъ изображаетъ собою дверь. Полъ бревенчатый или просто земляной. Сейчасъ у входа, нѣсколько въ сторонѣ устроенъ комелекъ—родъ очага, иначе называемый „чувалъ", на которомъ постоянно, день и ночь, горитъ огонь; дымъ выходитъ въ отверстіе, пробитое надъ чуваломъ въ потолкѣ. У зажиточныхъ остяковъ къ такой юртѣ пристраиваются бревенчатыя-же сѣни.

Внутреннее убранство зимней юрты состоитъ изъ широкихъ скамеекъ въ родѣ наръ, идущихъ вдоль стѣнъ, у зажиточныхъ прикрытыхъ оленьими шкурами, у другихъ рогожами; у громаднаго-же большинства, какъ говорятъ, кромѣ ношебнаго верхняго платья, ничего нѣтъ; на этихъ скамьяхъ остяки и спятъ, и ѣдятъ. Въ такой юртѣ, имѣющей отъ двухъ до пяти аршинъ въ длину и столько-же въ ширину, помѣщается нѣсколько отдѣльныхъ семействъ. Каковы гигіеническія условія такого жилища, понятно само-собой. Кстати замѣтимъ здѣсь, что для такого совмѣстнаго жительства въ одной юртѣ не всегда требуется близкое родство между семьями—встрѣчаются юрты, въ которыхъ живутъ вмѣстѣ остяки, совершенно чужіе другъ другу.

Лѣтнія юрты, куда остяки переселяются на время рыболовства,

еще болѣе примитивнаго устройства. Это простой шалашъ изъ жердей, прикрытыхъ берестой, иногда оленьими шкурами, на подобіе самоѣдскаго чума. Здѣсь нѣтъ уже ни окна, ни чувала; огонь разводится прямо на землѣ, посреди юрты, дымъ выходитъ черезъ отверстіе въ потолкѣ.

Лично намъ не приходилось видѣть ни въ одной изъ посѣщенныхъ нами юртъ никакихъ признаковъ надворныхъ построекъ, и домашній скарбъ остяковъ валялся частью въ самой юртѣ, частью на улицѣ подлѣ нея. Говорятъ, впрочемъ, что болѣе зажиточные остяки имѣютъ особыя постройки, въ которыхъ держатъ промысловую добычу и всякую домашнюю рухлядь, непомѣщающуюся въ юртѣ.

Впечатлѣніе крайней нищеты, убожества, полускотскаго состоянія производятъ на наблюдателя жилища остяковъ и сами остяки.

За исключеніемъ зимняго верхняго платья мужчинъ, одежда русскихъ сургутянъ ничѣмъ не отличается отъ обще-мѣщанской одежды, свойственной другимъ городамъ Тобольской губерніи; тѣ-же бешметы у мужчинъ, и ситцевыя платья у женщинъ. Если и есть разница, то развѣ только въ еще большей нечистоплотности сургутянъ, особенно представительницъ прекраснаго пола, да въ неумѣніи щегольнуть и пустить ближнему пыль въ глаза, что зависитъ отъ грубости и неразвитости вкуса. При всемъ желаніи, сургутянинъ совершенно не умѣетъ одѣваться и всегда ухитряется придать себѣ какой-то нелѣпый, уродливый видъ. Въ этомъ особенно рѣзко проявляется отсталость сургутянъ сравнительно съ населеніемъ даже другихъ городовъ той-же губерніи.

Зимняя мужская одежда заимствована у инородцевъ—та-же малица, кумышъ и проч., что будемъ описывать ниже. Сургутянинъ вполнѣ свыкся съ этимъ костюмомъ и не разстается съ нимъ почти три четверти года; въ ней онъ на улицѣ, и въ ней-же является въ гости. На вечеркахъ, напримѣръ, всегда можно встрѣтить пять—шесть кавалеровъ, пляшущихъ въ своихъ оленьихъ шкурахъ, не взирая на духоту и жару въ комнатѣ. Обувь—лѣтомъ бродни, зимою пимы или такъ называемые „барловики"—сапоги изъ овчины шерстью внутрь, у мужчинъ. Женщины носятъ

зимою тѣ-же пимы, а лѣтомъ чирки. Впрочемъ, въ лѣтніе праздники мужчины и женщины носятъ обыкновенную городскую обувь—сапоги и ботинки, нѣкоторые франты поверхъ сапоговъ надѣваютъ кожаныя калоши, въ которыхъ и въ комнатахъ ходятъ, и на вечеркахъ пляшутъ.

Остяцкая одежда мало чѣмъ отличается отъ одежды вообще всѣхъ сѣверныхъ инородцевъ: тѣ-же звѣриныя шкуры, то шерстью вверхъ, то шерстью внизъ, облекаютъ остяка, какъ и самоѣда или якута. Незначительная разница существуетъ только въ покроѣ и матеріалѣ, изъ котораго изготовляется одежда: остяки носятъ пимы изъ оленьихъ лапокъ, а чукчи дѣлаютъ изъ бѣлой конской шкуры. Въ общихъ чертахъ остякъ одѣвается такъ: поверхъ холщевой рубахи и замшевыхъ штановъ надѣвается широкая рубаха[1]) изъ оленьихъ шкуръ, шерстью къ тѣлу—„малица", подпоясываемая ремнемъ, къ которому привѣшивается ножъ; на ноги надѣваются оленьи чулки шерстью внутрь—„чижи", на нихъ пимы шерстью вверхъ, къ которымъ въ сильные морозы еще присоединяется нѣчто въ родѣ калошъ, также шерстью вверхъ. На малицу натягивается вторая рубаха, шерстью вверхъ, съ капюшономъ сзади, съ рукавицами на концахъ рукавовъ—„кумышъ", онъ же и „гусь" у русскихъ. Кумышъ значительно длиннѣе малицы и опускается ниже колѣнъ. Голова прикрывается оленьей шапкой съ наушниками, сшитая изъ двухъ шкурокъ—одна обращена шерстью внутрь другая наружу—и носящая названіе „треуха". Капюшонъ кумыша надѣваютъ поверхъ треуха. У болѣе зажиточныхъ дома, а также въ сравнительно теплую погоду малицу и кумышъ замѣняетъ „парка", похожая по покрою на кумышъ—рубаха, также шерстью наружу, но изъ шкурокъ оленьихъ телятъ, „неплюекъ", у богатыхъ-же изъ „выпоротковъ"—еще не родившихся, убитыхъ вмѣстѣ съ матерью телятъ.

Женщины, вмѣсто малицы, носятъ „паницу", родъ кафтана шерстью вверхъ; голову прикрываютъ суконнымъ платкомъ яркаго цвѣта—„вокшимъ", обыкновенно краснымъ, спускающимся сзади

---

[1]) Бѣднота обходится и безъ рубахъ, надѣвая верхнее платье прямо на тѣло.

до пятъ; тѣмъ-же платкомъ прикрываютъ и лицо. Остяки часто ходятъ даже въ жестокіе зимніе морозы безъ шапки, въ лѣтнихъ кафтанахъ съ открытою голою грудью.

Многіе остяки для предохраненія глазъ отъ слишкомъ яркаго зимняго свѣта носятъ самодѣльныя очки, состоящія изъ мѣдныхъ или желѣзныхъ кружковъ, связанныхъ между собой веревочкой. Въ центрѣ каждаго кружка просверлена маленькая дырочка, черезъ которую и смотрятъ. Насколько подобныя очки достигаютъ цѣли, не знаемъ, но у большинства остяковъ глаза постоянно болятъ и гноятся.

Лѣтомъ мужчины и женщины замѣняютъ мѣховыя одежды длинными суконными кафтанами, перепоясанными ремнемъ. Лѣтняя обувь—чулки изъ грубой замши, называемые „неговаи“, чаще-же всего ходятъ босикомъ.

У женщинъ иногда въ костюмѣ встрѣчаются различныя украшенія ввидѣ разноцвѣтныхъ бусъ, охватывающихъ шею, вплетенныхъ въ косы, бляхъ и разноцвѣтныхъ лоскутьевъ, подвязанныхъ къ косамъ и проч.

Остяки, повидимому, никогда не моются, не расчесываютъ волосъ, почему всегда грязны до послѣдней степени, одежда также, если не больше еще, грязна, волосы всклокочены и разметаны по плечамъ; къ этому прибавьте еще рѣзкій специфическій запахъ. Вообще внѣшность и костюмъ остяка производитъ тяжелое, гнетущее впечатлѣніе.

Пища сургутянъ также не отличается изысканностью и разнообразіемъ. Рыба и кирпичный чай—ея основа, если не считать, разумѣется, хлѣба. Рыбу употребляютъ во всѣхъ видахъ, начиная съ сырой, только что пойманной (такое блюдо называется „соргамкой“), которую ѣдятъ съ солью, и кончая всякими пирогами и другими рыбными печеньями. Между прочимъ, одно изъ любимыхъ рыбныхъ лакомствъ сургутянъ—„патанка“, т.-е. сырая мерзлая рыба, которую рѣжутъ тоненькими ломтиками („струженина“) и ѣдятъ также съ солью. Говорятъ, употребленіе сырой свѣжей и мерзлой рыбы предохраняетъ отъ заболѣванія цынгой.

Обѣдъ сургутянина состоитъ обыкновенно изъ варева со щукой

и какого-нибудь рыбнаго пирога; приготовленіе, какъ того, такъ и другаго, отличается замѣчательнымъ безвкусіемъ. Иногда пирогъ замѣняется ячной кашей съ рыбьимъ жиромъ или коровьимъ масломъ. Въ скоромные дни, вмѣсто щучьей ухи, приготовляютъ похлебку изъ соленаго утинаго мяса; говядину и баранину употребляютъ рѣдко, только по большимъ праздникамъ. Многіе замѣняютъ обѣдъ чаемъ съ рыбнымъ пирогомъ или шаньгами на маслѣ или рыбьемъ жирѣ. Дѣлается это не вслѣдствіе невозможности имѣть лучшій обѣдъ, а по крайней лѣни, одолѣвающей сургутянина, по нежеланію лишній разъ съѣздить половить рыбы. Вообще надо сознаться, что сургутяне крайне невзыскательны на счетъ пищи и съ величайшимъ аппетитомъ ѣдятъ такую дрянь, которую въ другихъ мѣстахъ никто не станетъ и пробовать. Къ такой дряни мы относимъ все, что изготовляется на рыбьемъ жирѣ, который имѣетъ свойство каждому блюду придавать особый отвратительный запахъ и даже видъ; сюда-же относится и такъ называемая „загорѣлая" рыба[1]), нестерпимо вонючая и отвратительнаго вида, и эта мерзость опять-таки употребляется не вслѣдствіе бѣдности, а по лѣни—за свѣжей рыбой съѣздить не охота и гніющую вывозить лѣнь, такъ лучше ужь съѣсть ее, по крайности, безъ хлопотъ. Большое количество употребляемаго рыбьяго жира вызывается чрезмѣрной суровостью климата и вслѣдствіе этого большей потребностью организма въ углеродистыхъ соединеніяхъ. О крайней нечистоплотности приготовленія пищи мы уже упоминали.

Остякъ еще менѣе требователенъ и менѣе брезгливъ, нежели его русскіе сосѣди—этотъ уже прямо, безъ стѣсненія ѣстъ все, что попадетъ подъ руку, выброшенную-ли гнилую рыбину, или валяющуюся въ лѣсу падаль какую-нибудь, и не только самъ ѣстъ падаль, но, какъ крайне любезный и гостепріимный хозяинъ, еюже угощаетъ и гостей, и, чѣмъ почетнѣе гость, тѣмъ съ большей

[1]) Горѣлая—это соленая съ осени и начавшая портиться весною рыба. Отъ такой рыбы идетъ сильный специфическій запахъ, буквально нестерпимый для всякаго носа, кромѣ сургутскаго. Лѣтомъ, когда такая рыба окончательно перегоритъ, ее цѣлыми массами выбрасываютъ за городъ, гдѣ ее подбираютъ голодныя собаки, а бываетъ, что и остяки изъ округа.

предупредительностью онъ будетъ предлагать ее. Рыба у нихъ, какъ и у русскихъ, главная пища. Остяки также ѣдятъ „патанку“ и „саргамку“, кромѣ того, изъ сушеной и толченой рыбы „порса“—вмѣстѣ съ мукой, приготовляютъ лепешки, замѣняющія хлѣбъ; очень немногіе, имѣющіе оленей, прибавляютъ въ такія лепешки еще оленьей крови. Затѣмъ остяки ѣдятъ распластанную и высушенную на солнцѣ рыбу, употребляя ее и въ сыромъ, и въ вареномъ видѣ. Но самое тонкое и любимое остяцкое блюдо „ворка“—это мелкіе куски такой сушенной рыбы, разваренные въ рыбьемъ жирѣ. На рыбьемъ-же жирѣ варится мучная похлебка—„салымъ“, „поземъ“—рыбьи кишки съ жиромъ и проч. Рыбій жиръ, какъ составная часть, входитъ почти во всѣ остяцкія кушанья. Во время промысловъ, требующихъ продолжительной отлучки изъ дому, остякъ питается главнымъ образомъ порсой, которую всегда возитъ съ собой въ мѣшкѣ. Порса разваривается въ водѣ или рыбьемъ жирѣ. Остяки ѣдятъ также мясо почти всѣхъ звѣрей и птицъ, которыхъ убиваютъ въ время промысла. Въ дни особенныхъ торжествъ, напримѣръ, свадьбы, остяки бьютъ оленей, у кого они есть, конечно, и ѣдятъ сырое мясо. Намъ лично приходилось видѣть, какъ остяки, сидя вокругъ только-что убитаго еще теплаго оленя, отрѣзали куски мяса, макали ихъ въ еще дымящуюся кровь и ѣли жадно, съ наслажденіемъ. Трудно себѣ представить зрѣлище болѣе отталкивающее и отвратительное.

Отъ жестокихъ сѣверныхъ морозовъ, снѣжныхъ вьюгъ и непогоды сургутянинъ можетъ защититься, только одѣвшись въ нѣсколько звѣриныхъ шкуръ; только обильнымъ употребленіемъ рыбьяго или иного жира онъ можетъ пополнить убыль теплоты въ своемъ организмѣ. Промыслы въ изобиліи доставляютъ ему рыбу, дичь, лѣснаго звѣря—понятно, что эта пища становится основной и т. д. Въ этомъ ясно выражается полная зависимость сургутянина, всей обстановки его жизни—одежды, жилища, пищи, занятій, отъ характера внѣшней природы и климата. Это, такъ сказать, общій фонъ, общее положеніе, незаключающее въ себѣ ничего лестнаго, но и ничего особенно обиднаго для сургутянина, такъ какъ при низкомъ уровнѣ культуры каждый народъ, каждый человѣкъ обя-

зательно подчиняется внѣшней природѣ, не умѣя подчинять ее себѣ.

Но на этомъ фонѣ ясно и отчетливо вырисовывается совмѣстное существованіе рядомъ двухъ совершенно разнородныхъ по степени умственнаго развитія и по характеру культуры племенъ, въ теченіи вѣковъ производившихъ вліяніе и давленіе другъ на друга.

Всматриваясь именно въ эту сторону картины, прежде всего замѣчаешь поразительное вліяніе остяковъ, племени съ несомнѣнно низшей культурой, вырождающагося и вымирающаго, на представителей великорусскаго племени. Это вліяніе чувствуется во всемъ—въ одеждѣ, пищѣ, языкѣ (остяцкія слова и обороты рѣчи) и пр. Предки теперешняго русскаго населенія, понятно, не носили на своей родинѣ, въ Европейской Россіи, ни „кумыша", ни „пимовъ", не ѣли ни сырой только-что пойманной рыбы, ни хлѣба, замѣшаннаго на вонючей ворвани; въ ихъ рѣчи не слышалось „кумоха" (лихорадка) и т. п. Они, предки, принадлежали, что доказывается многими данными, къ чистымъ представителямъ великорусскаго племени и несомнѣнно принесли съ собою въ край довольно высокую и своеобразную, вѣками выработанную культуру, свои порядки и обычаи. Трехсотлѣтнее существованіе въ далекой глуши, бокъ-о-бокъ съ дикарями, дало себя знать: оно стерло очень и очень многое изъ того, что принесли съ собой русскіе люди, за этотъ періодъ ихъ потомки обостячились, утратили, быть можетъ, навсегда, наиболѣе характерныя черты своей племенной физіономіи; они, представители высшей культуры, не только не подняли остяковъ до своего уровня развитія, но сами опустились почти до полудикаго состоянія инородца.

Предки современныхъ сургутянъ, конечно, были знакомы съ многими работами и ремеслами, о которыхъ въ настоящее время утратилось всякое представленіе. И случилось это не потому, чтобы потомки ушли далеко впередъ и смотрѣли на эти работы, какъ на низшую степень развитія, уже пройденную ими,—нѣтъ: процессъ шелъ, какъ разъ обратнымъ путемъ. Приведемъ примѣры.

Мы уже видѣли, что теперешній сургутянинъ не умѣетъ распилить бревна на доски и даже для этой болѣе чѣмъ нехитрой работы приглашаетъ къ себѣ постороннихъ людей. Онъ едва-едва

въ состояніи кое-какъ оболванить топоромъ кусокъ осины и придать ему форму чашки. Когда-то онъ, сургутянинъ, умѣлъ ткать полотна и сукна, чувствовалъ потребность въ хорошихъ грунтовыхъ дорогахъ и ѣздить по нимъ, былъ знакомъ съ употребленіемъ телѣгъ и пр. Но все это было, когда онъ жилъ еще въ Европейской Россіи, теперь-же ничего этого нѣтъ, и даже воспоминанія не сохранилось о немъ въ народной памяти. Одной нашей знакомой прислали родственники изъ Томской губерніи нѣсколько фунтовъ нетрепаннаго льну, и всѣ сургутскія кумушки не въ силахъ были ума приложить, что нужно сдѣлать, чтобы изъ такого льна приготовить знакомую имъ кудель. Такъ и спрятали ленъ до того счастливаго времени, когда судьба занесетъ въ Сургутъ какого-нибудь свѣдущаго человѣка, который подѣлится съ сургутянами своимъ знаніемъ и вновь научитъ ихъ дѣлать то, что когда-то они и сами знали да позабыли. Утративши потребность въ грунтовыхъ дорогахъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ забыли, что такое телѣга и какое ея назначеніе, и до 80 года, когда привезена была первая телѣга, и лѣтомъ ѣздили на дровняхъ; теперь въ городѣ уже четыре телѣги. Когда мы уѣзжали изъ Сургута, насъ многіе знакомые просили прислать „то, на чемъ хлѣбъ ростетъ", т.-е. хлѣбныхъ колосьевъ. „Всю жизнь хлѣбъ ѣдимъ, говорили они, а не знаемъ, изъ чего онъ дѣлается!" Можно было бы привести еще много примѣровъ, но, думаемъ, и этихъ достаточно для подтвержденія нашего положенія, что сургутяне въ культурномъ отношеніи пошли назадъ, въ сторону остяковъ. Въ разсмотрѣніе причинъ такого, во всякомъ случаѣ печальнаго, явленія теперь мы не будемъ входить, намъ нужно было только отмѣтить фактъ вліянія инородческой культуры на русскую.

Каково-же было обратное вліяніе русскихъ пришельцевъ на аборигеновъ страны—остяковъ? Въ чемъ выразилось ихъ культурное вліяніе? Перебирая въ умѣ все видѣнное нами, соединяя отдѣльныя черты въ одно цѣлое, сопоставляя и сравнивая между собой факты, мы приходимъ къ слѣдующему, въ высшей степени печальному, выводу: все культурное вліяніе русскихъ колонистовъ на инородцевъ состоитъ въ томъ, что они привили остякамъ двѣ

страшныя болѣзни—пьянство и сифилисъ. При самомъ искреннемъ и сильномъ желаніи подмѣтить хоть малѣйшее доказательство инаго вліянія, намъ неудалось это сдѣлать. Культура остяковъ не только не повысилась, а даже понизилась со времени прихода русскихъ: благодаря все увеличивающейся нищетѣ, потребности съуживались и сокращались, а вмѣстѣ съ тѣмъ упрощались и формы жизни остяковъ. Вообще, въ смыслѣ понятнаго культурнаго движенія остяки не отстали отъ своихъ властителей. Разсмотрѣнныя выше жилища, пища, одежда остяковъ даютъ понятіе, на какой низкой ступени стоятъ они въ настоящее время; другія стороны ихъ жизни только подтверждаютъ это. Промысловыя орудія остяка крайне грубы: охотится онъ чаще всего съ лукомъ, большимъ и малымъ, ружья, да и то кремневыя, начинаютъ входить въ употребленіе только въ послѣдніе 10—20 лѣтъ; канаты и веревки, употребляемые для неводовъ, до сихъ поръ приготовляются изъ оленьихъ жилъ, корней кедра, моржевыхъ и оленьихъ ремней; юрта освѣщается только огнемъ камелька, рыбій жиръ съ этой цѣлью употребляютъ лишь богачи, и т. д. и т. д.

Въ отношеніи промысловыхъ орудій русскій сургутянинъ недалеко ушелъ отъ остяка: позаимствовавъ у этого послѣдняго невода, слопцы и проч., онъ не сдѣлалъ въ нихъ никакихъ усовершенствованій или измѣненій, за исключеніемъ развѣ пеньковыхъ веревокъ и канатовъ въ неводахъ; если онъ не охотится съ лукомъ, то не ушелъ и дальше кремневки (только нѣкоторые горожане имѣютъ пистонныя ружья) и т. д.

Русскій пришлецъ, перезабывши все, что зналъ когда-то, ничему не научилъ остяка, да и самъ тоже ничему не научился за триста лѣтъ своей жизни въ этомъ краѣ. Всѣ знанія, имѣющіяся у него—знаніе тайги, звѣря, птицы и проч.,—все это выработано не имъ, а остякомъ и позаимствовано у послѣдняго. Однородность промысловыхъ снарядовъ, пріемовъ охоты и т. п. убѣждаетъ насъ въ этомъ. Самъ сургутянинъ ничего не придумалъ и не знаетъ ничего такого, чего не зналъ-бы полудикій остякъ; живя среди тайги, онъ не умѣетъ извлекать изъ нея иной пользы, кромѣ той, извлекать которую научили его остяки. Въ Сургутскомъ краѣ, какъ

рыболовномъ, потребляется большое количество смолы и дегтя, нужныхъ для смоленія лодокъ, спастей и т. п. При такомъ обиліи лѣса гонка смолы и дегтя почти ничего не стоила-бы населенію, но никто изъ мѣстныхъ жителей не умѣетъ гнать деготь и рыбаки покупаютъ, по рублю и дороже за ведро, привозный изъ Самарова, гдѣ этимъ занимаются крестьяне. И нельзя сказать, чтобы населеніе не сознавало всей выгоды домашняго производства— сургутяне хорошо разсчитываютъ, но все дѣло разбивается объ ихъ невѣжество, лѣнь и инертность. То-же можно сказать и о различныхъ подѣлкахъ изъ дерева, выдѣлки кожи и проч.

Сургутянинъ не умѣетъ извлекать изъ окружающихъ условій всей возможной выгоды, не умѣетъ и не хочетъ взяться ни за какое новое, незнакомое ему дѣло, какихъ-бы барышей оно ни сулило, предпочитая за все, что не дается промыслами, платить громадныя деньги, и въ этомъ отношеніи онъ самый заскорузлый рутинеръ и консерваторъ.

VI.

РАЗВИТІЕ СУРГУТЯНЪ И ИХЪ НРАВЫ.

Уровень умственнаго развитія.—Грамотность; отношеніе къ ней населенія.—Суевѣріе населенія; примѣры.—Религіозность и характеръ ея.— Нравственный уровень населенія; отсутствіе преступленій, пьянство.— Отношенія сургутянъ между собой и къ чуждымъ элементамъ—пріѣзжимъ русскимъ и инородцамъ.—Семейный бытъ сургутянъ; положеніе въ семьѣ женщинъ и дѣтей.—Отношенія половъ между собой.—Развлеченія.

Въ умственномъ отношеніи сургутянинъ стоитъ очень низко. Онъ неграмотенъ, къ школѣ относится безучастно, а къ обученію грамотѣ дѣвочекъ даже прямо отрицательно, видя въ этомъ порчу нравовъ и развращеніе. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ нельзя все объяснять невѣжествомъ сургутянъ, такъ какъ въ выработкѣ такого взгляда на школу и грамотность имѣла большое вліяніе сама школа съ ея формальнымъ, холоднымъ отношеніемъ къ дѣлу, съ

ея казеннымъ, мертвящимъ духомъ. За все время существованія школы въ Сургутѣ, только одинъ учитель съумѣлъ вызвать къ себѣ симпатію и уваженіе въ населеніи своимъ простымъ и теплымъ отношеніемъ къ дѣлу обученія и развитія сургутскихъ ребятишекъ, всѣ-же остальные или не оставили по себѣ никакого воспоминанія, или самое плачевное. Отчего-бы это не зависѣло, но существуетъ фактъ, что населеніе мало интересуется школой и не признаетъ за ней серьезнаго значенія. Къ сожалѣнію, мы ничего не можемъ сказать о распространенности грамотности въ округѣ, такъ какъ всего округа намъ объѣзжать не приходилось, а были мы только въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ, лежащихъ между Сургутомъ и Самаровымъ, но думаемъ, можно заключить, что въ округѣ грамотность процвѣтаетъ еще меньше, чѣмъ въ городѣ. Про остяковъ, разумѣется, и говорить нечего—у нихъ даже своей азбуки не существуетъ.

Сургутянинъ не только безграмотенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и до послѣдней степени суевѣренъ. Различнымъ водянымъ, домовымъ, баннымъ и прочимъ представителямъ нечистой силы, въ которыхъ онъ вѣритъ и которыхъ боится, счету нѣтъ. Мы ихъ перечислять не будемъ, упомянемъ лишь объ одномъ изъ нихъ—„сусѣдкѣ", которому населеніе приписываетъ важное значеніе. Намъ не удалось опредѣлить, что именно подразумѣвается подъ этимъ прозвищемъ и какое мѣсто занимаетъ „сусѣдко" въ ряду другихъ нечистыхъ силъ. Мѣстопребываніе его вездѣ—онъ и въ банѣ, и въ домѣ живетъ, но главная его резиденція за печкой, на голбцѣ. Повидимому, сургутяне думаютъ, что у каждаго человѣка есть свой сусѣдко, сопровождающій его всюду съ цѣлью устранять отъ него всякія напасти и бѣды. Несчастье съ человѣкомъ случается лишь потому, что сусѣдко, разгнѣвавшись за что-либо, оставляетъ его на-время или на-всегда. Кошмаръ также объясняется гнѣвомъ сусѣдки—„сусѣдка душитъ", говорятъ сургутяне. Какая судьба постигаетъ сусѣдко по смерти протежируемаго имъ человѣка, намъ не могли объяснить сургутянки, эти спеціалистки по части демонологіи. Но это только одна сторона характера сусѣдки; въ то же время онъ является существомъ злобнымъ, причиняющимъ по-

стоянно непріятности. Нѣкоторыя женщины имѣютъ даръ обращаться по временамъ въ сусѣдку, чтобы въ такомъ видѣ проникать въ жилища своихъ враговъ и вредить имъ. Къ такимъ женщинамъ населеніе наружно относится съ глубокимъ почтеніемъ и уваженіемъ, въ душѣ-же боятся и ненавидятъ ихъ. Намъ указывали на такихъ женщинъ. Существуетъ цѣлый рядъ примѣтъ, по которымъ можно узнать, какая именно женщина обладаетъ способностью превращенія и время, когда такое превращеніе совершается. Обращаясь въ сусѣдку, женщина принимаетъ обыкновенно видъ сороки, птицы, очень распространенной въ Сургутѣ, поэтому бить сорокъ надо умѣючи, безъ промаха, въ противномъ случаѣ сусѣдко отомститъ за себя. Болѣе точныхъ опредѣленій и разъясненія нѣкоторыхъ противорѣчивыхъ чертъ въ характерѣ сусѣдки намъ получить не удалось. Судя-же по аналогіи, можно думать, что сусѣдко ничто иное, какъ видоизмѣненіе общерусскаго „дѣдушки", „домоваго", и т. п., и представляетъ лишь обломокъ когда-то господствовавшаго въ народѣ поклоненія предкамъ и вѣры въ покровительство ихъ духовъ своимъ потомкамъ и враждебнаго отношенія къ чужимъ.

На всякій шагъ, для каждаго дѣла существуетъ десятокъ примѣтъ и предзнаменованій. Покойники также служатъ предметомъ суевѣрнаго поклоненія. По мнѣнію мѣстныхъ жителей, умершіе посѣщаютъ своихъ родственниковъ и невидимо присутствуютъ при всѣхъ важныхъ домашнихъ событіяхъ, почему сургутяне вообще ко всѣмъ покойникамъ относятся съ глубокимъ уваженіемъ, исключая лишь самоубійцъ. Исходя изъ того убѣжденія, что самоубійца осужденъ вѣчно ходить по землѣ, не зная покоя, и во время своихъ путешествій строитъ людямъ всевозможныя каверзы, сургутяне принимаютъ, для огражденія себя отъ козней подобнаго рода, различныя мѣры, изъ которыхъ самой дѣйствительной считается переломать такому покойнику руки и ноги и тѣмъ лишить его возможности бродить по бѣлу свѣту; такъ именно поступили съ однимъ казакомъ, лѣтъ 10—12 назадъ повѣсившимся: послѣ всевозможныхъ издѣвательствъ надъ трупомъ, ему переломали руки и ноги и зарыли въ навозныхъ кучахъ близь рѣчки.

Во всѣхъ трудныхъ случаяхъ жизни, напримѣръ, при серьезной болѣзни, которой не въ силахъ помочь своя лекарка, сургутяне обращаются къ остяцкимъ знахарямъ, и тѣ имъ шаманятъ. Эти знахари пользуются широкой и громкой популярностью въ округѣ. Лично намъ не случалось встрѣчаться съ ними, и потому мы не можемъ сказать ничего о пріемахъ и средствахъ ихъ леченія, кромѣ того, что однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ считается заклятіе шаманомъ больнаго.

Насколько мы могли замѣтить, внѣшней, обрядовой сторонѣ религіи мѣстные жители придаютъ большое значеніе: они усердно посѣщаютъ церковь, строго соблюдаютъ посты и т. д. Что-же касается самой сущности религіи и ея догматовъ, о нихъ имѣется очень отдаленное, смутное представленіе; напримѣръ, для большинства сургутянъ рѣшительно непонятна идея о единомъ Богѣ, они всегда смѣшиваютъ всѣхъ угодниковъ съ самимъ Богомъ— спросите сургутянина, кто такой Николай Чудотворецъ или Георгій, и онъ, не задумываясь, отвѣтитъ, что и тотъ, и другой Богъ. Также мало понимаютъ они и значеніе иконъ: для нихъ Богъ и икона—одно и тоже. Намъ не разъ приходилось объяснять знакомымъ различіе между Богомъ и святыми и значеніе иконы по догматамъ православія и всегда насъ слушали съ видимымъ недовѣріемъ, а разъ даже прямо заявили, что думать такъ можетъ только еретикъ. При дикости и нелѣпости своихъ религіозныхъ понятій, сургутянинъ вдобавокъ еще до крайности нетерпимъ во всѣхъ религіозныхъ вопросахъ, и всякое мнѣніе, не согласное съ его взглядами, вызываетъ въ немъ злобу и раздраженіе.

Степени и характера религіозности остяковъ мы не будемъ касаться, ибо лично не наблюдали ихъ съ этой стороны, говорить-же съ чужихъ словъ объ этомъ предметѣ считаемъ неумѣстнымъ.

На вопросъ объ уровнѣ нравственнаго развитія сургутянъ мы затрудняемся категорически отвѣтить. Такія понятія, какъ нравственность, очень растяжимы, и каждый придаетъ имъ свой собственный смыслъ, который считаетъ наиболѣе истиннымъ. Если подъ нравственностью понимать *сознательное* отношеніе къ добру и злу, приложеніе къ своимъ и чужимъ поступкамъ извѣстнаго,

опредѣленнаго нравственнаго критерія, способность *сознательно* отрекаться отъ своихъ интересовъ и выгодъ въ пользу другихъ, то, конечно, о нравственности сургутянъ не можетъ быть и рѣчи, ибо для этого они не обладаютъ самымъ главнымъ, безусловно необходимымъ conditio sine qua non—*сознательнымъ отношеніемъ* къ себѣ и другимъ. Если-же мѣриломъ брать количество преступленій, совершаемыхъ населеніемъ, то сургутяне окажутся людьми въ высшей степени нравственными, такъ какъ среди нихъ воровство очень рѣдко, о грабежахъ, убійствахъ, поджогахъ и понятія не имѣютъ. Между этими двумя крайними выводами возможенъ цѣлый рядъ другихъ, занимающихъ средину.

Сургутянинъ не грабитъ и не убиваетъ—таковъ фактъ, но жестоко ошибся-бы тотъ, кто предположилъ-бы, что подкладка этого факта нравственная. Конечно, сургутянинъ знаетъ, что́ убивать грѣхъ, но удерживаетъ его отъ преступленія не это соображеніе, а просто ненужность, безцѣльность подобнаго дѣйствія, такъ какъ при наличности тѣхъ условій, среди которыхъ живетъ, онъ имѣетъ возможность всѣ существующія у него потребности удовлетворять, не прибѣгая ни къ грабежу, ни къ убійству, его жизнь слишкомъ проста, чтобы его могли соблазнять такіе во всякомъ случаѣ рискованные поступки. Другое дѣло—надувательство, обманъ; сургутянинъ также прекрасно знаетъ, что надувать ближняго значитъ совершать пакость, знаетъ это по личному опыту—не даромъ-же онъ всегда такъ сердится и такъ нехорошо ругается, когда его принадуетъ пріятель сосѣдъ,—и, не смотря на такое сознаніе, при первомъ удобномъ случаѣ надуетъ своего ближняго, онъ перестанетъ быть самимъ собой, если не сдѣлаетъ этого—упустить случай провести кого-нибудь—значитъ заявить себя окончательнымъ дуракомъ. Вообще, надувательство и обманъ въ большомъ ходу въ Сургутѣ, и все это дѣлается съ замѣчательной простотой и откровенностью—обманувши своего сосѣда, онъ идетъ хвастаться этимъ, какъ подвигомъ.

Гостепріимство считается обыкновенно однимъ изъ признаковъ высокой нравственности населенія. Гостепріимны-ли сургутяне? И да, и нѣтъ. Пріѣдетъ къ нимъ пріѣзжій русскій человѣкъ, въ

которомъ они могутъ быть такъ или иначе заинтересованы, и они радушно примутъ гостя, напоятъ его чаемъ, пожалуй, даже угостятъ шаньгой съ рыбьимъ жиромъ. Но приди къ тому-же сургутянину остякъ, и онъ не всегда пуститъ его даже въ комнату, очень рѣдко дастъ ѣсть, неиначе, какъ по просьбѣ остяка, и никогда не посадитъ послѣдняго ѣсть вмѣстѣ съ собой. Или такой фактъ. Остановился у города пароходъ, переполненный переселенцами, ѣхавшими изъ Россіи въ глубь Сибири на новыя мѣста. Переселенцы, изморенные, въ лохмотьяхъ, съ грудными ребятами на рукахъ, разбрелись по городу просить хлѣба Христа-ради. Съ грустью должны сознаться, что очень немногіе подали хлѣба, большинство-же ограничилось глумленіемъ надъ лаптями и лохмотьями просившихъ. Очевидно, накормить странника—правило, котораго не имѣется въ нравственномъ кодексѣ сургутянъ. Не имѣется тамъ и другаго правила—не оставлять въ опасности ближняго. Въ декабрьскій морозъ на улицѣ валяется пьяный остякъ, ему грозитъ опасность замерзнуть, и никто изъ проходившихъ мимо сургутянъ и не подумалъ поднять его: велика важность, если и замерзнетъ остякъ!

Наконецъ, сургутянинъ любитъ выпить; правда, эта любовь не переходитъ въ пьянство, какъ у остяка, за водку готоваго продать и душу, и тѣло, но безъ вина ему и праздникъ не въ праздникъ, и веселье не въ веселье. По этому поводу намъ припоминается одна сургутская масляница, во время которой во всемъ городѣ не было ни капли водки. Всѣ ходили мрачно, опустивъ головы, у всѣхъ былъ такой грустный и подавленный видъ, точно ихъ гнететъ какое-то страшное горе. На вопросъ о причинѣ грусти въ праздничное время, они отвѣчали: „Что и за масляница, коли она сухая!“ Женщины также не прочь выпить, тѣмъ не менѣе, повторяемъ, пьянства, въ обычномъ смыслѣ этого слова, нѣтъ въ Сургутѣ.

Что касается нравственной физіономіи остяковъ, то въ этомъ отношеніи намъ приходится ограничиться о нихъ отзывами самихъ сургутянъ. По ихъ словамъ, остякъ „очень ужъ простъ“, т.-е. черезчуръ ужъ честенъ и довѣрчивъ: онъ не украдетъ и не обманетъ ни своего брата, ни русскаго торговца, у котораго находится

въ кабалѣ. Остякъ—человѣкъ грубый, крайне жестокій, вспыльчивый и раздражительный, къ тому-же и пьяница, зато онъ работящъ („здоровъ, собака, работать!"), предупредителенъ, всегда дѣлится съ нуждающимся и оказываетъ помощь ближнему.

Отношенія сургутянъ другъ къ другу, если не считать обычныхъ обмановъ и подвоховъ, довольно сносныя и мирныя. Тѣхъ безобразныхъ столкновеній, ссоръ и дракъ, съ которыми встрѣчаешься въ каждомъ городѣ и даже большинствѣ деревень Тобольской губ., здѣсь не увидишь. Бываютъ, конечно, и здѣсь недоразумѣнія, но они носятъ сравнительно мирный характеръ и какъ-то быстро улаживаются. Очень возможно, что это явленіе надо объяснять тѣмъ, что большинство сургутянъ—казаки, и потому имъ нечужды извѣстныя товарищескія обязательства другъ къ другу; также и чувство дисциплины имѣетъ, вѣроятно, свое значеніе.

Отношеніе къ пришлому русскому люду или безразличное, когда человѣкъ не занимаетъ вліятельнаго поста, или-же заискивающее, когда сургутянинъ чувствуетъ въ немъ нужду или находится въ зависимости отъ него. Совершенно обратное наблюдается по отношенію къ инородцамъ. Изобидѣть инородца, остяка или самоѣда, сургутянинъ считаетъ такимъ простымъ и естественнымъ дѣломъ, о которомъ и разговаривать не стоитъ. Для него инородецъ существо низшее, „собака", имъ всѣ гнушаются, считая его поганымъ. По отношенію къ остяку все дозволительно, всякій самый жестокій и безобразный поступокъ съ нимъ ни въ комъ не вызываетъ ни гнѣва, ни порицанія. Въ Сургутѣ не рѣдкость видѣть, какъ на улицѣ издѣваются надъ остякомъ, какъ мальчишки запускаютъ въ него льдинами, травятъ собаками и т. п. Мы знали одного казака, у котораго битье остяковъ положительно обратилось въ какую-то манію, и который, встрѣчая остяка, непремѣнно бьетъ его, причемъ норовитъ ударить такъ, чтобы тотъ сразу сталъ головой въ снѣгъ. Или такая, напримѣръ, картина: ѣдетъ утромъ изъ города запоздавшій на ярмаркѣ самоѣдъ, отставшій отъ товарищей; безъ всякаго повода къ нему на парты вскакиваетъ парень и сильно, съ ожесточеніемъ начинаетъ бить его

въ спину; самоѣдъ молчитъ, только пригибаетъ голову да погоняетъ оленей; выѣхавши за околицу, парень соскочилъ съ партъ, самоѣдъ-же, отъѣхавши подальше, обернулся по направленію къ городу и погрозилъ кулакомъ. Всѣ, видѣвшіе эту сцену, остались много довольны даровымъ зрѣлищемъ и хвалили парня за удаль и смѣлость.

Даже смерть остяка не сдерживаетъ сургутянина, и онъ продолжаетъ смотрѣть на остяка, какъ на тварь, только теперь эта тварь стала еще падалью. Не смотря на религіозное почтеніе къ покойникамъ вообще, они позволяютъ себѣ издѣвательства и глумленіе надъ трупомъ остяка. Вотъ характерная для Сургута и его жителей сценка, свидѣтелемъ которой намъ пришлось быть. Шумно, съ гикомъ несутся по улицѣ дровни съ поставленнымъ на нихъ гробомъ, верхомъ на которомъ сидятъ два молодыхъ казака. При поворотѣ въ переулокъ дровни раскатываются, ударяются объ уголъ дома, и казаки вмѣстѣ съ гробомъ вылетаютъ вонъ изъ дровней, причемъ гробъ раскрылся и изъ него выпалъ на снѣгъ трупъ остяка. Съ хохотомъ и остротами, съ приправой восклицанія: „язви тебя, остяцкая морда!“ и т. п., парни уложили покойника въ гробъ и поѣхали дальше. Пока парни возились съ трупомъ, около нихъ собралась порядочная кучка народу, среди которой не нашлось ни одного человѣка, кто возмутился-бы подобнымъ безобразіемъ, за то многіе приняли живѣйшее участіе въ немъ. Впослѣдствіи мы узнали, что это везли изъ больницы трупъ остяка въ церковь для погребенія. Нельзя сказать, чтобы всѣ сургутяне и всегда относились такимъ образомъ къ инородцамъ. Бывали случаи, что даже въ торговцахъ, всю жизнь притѣснявшихъ и обиравшихъ инородцевъ, вдругъ начинала говорить совѣсть, и они круто измѣняли свои отношенія къ нимъ. Такъ было, напримѣръ, съ однимъ изъ самыхъ богатыхъ сургутянъ. Сорокъ лѣтъ торговалъ онъ съ инородцами, буквально грабилъ ихъ и такимъ путемъ нажилъ себѣ большое состояніе; его собратья и все населеніе считало его самымъ ловкимъ, оборотистымъ человѣкомъ, умѣющимъ всякое дѣло обдѣлать. Однажды, на ярмаркѣ ему особенно повезло—говорятъ „сразу зашибъ тысячъ пятнадцать“, но не радовала его на

этотъ разъ удача, онъ вдругъ затосковалъ. Сорокъ лѣтъ онъ не зналъ, что такое совѣсть, сорокъ лѣтъ она въ немъ спала, а тутъ вдругъ пробудилась и стала грызть его душу. Ему припомнилось все, что онъ продѣлывалъ съ инородцами, каждый обманъ, каждое надувательство. Всякому встрѣчному онъ каялся въ своихъ прегрѣшеніяхъ, говорилъ, что торговля загубила его душу, что ему не будетъ мѣста на томъ свѣтѣ и т. д. Ему видѣлись загубленныя имъ, ограбленныя жертвы. Торговлю онъ бросилъ, сталъ молиться Богу и такъ прожилъ еще года два, постепенно хирѣя и угасая; передъ смертью сдѣлалъ такое завѣщаніе: онъ, какъ великій грѣшникъ, недостоенъ лежать на кладбищѣ вмѣстѣ съ другими, а потому пусть его похоронятъ въ кладбищенскихъ воротахъ, чтобы каждый проходящій, даже послѣдній остякъ попиралъ его прахъ ногами. Завѣщаніе было въ точности исполнено. И подобный случай пробужденія совѣсти въ людяхъ, повидимому, закоренѣлыхъ и руководящихся только низменными инстинктами похоти и наживы, не единственный въ Сургутѣ. Къ слову сказать, такіе факты доказываютъ съ очевидностью, что въ душѣ сургутянина таится много хорошихъ задатковъ, при благопріятныхъ условіяхъ могущихъ развернуться и придать ему совершенно иной нравственный обликъ.

Инородцы отлично сознаютъ, какъ враждебно и презрительно относятся къ нимъ русскіе, и въ свою очередь платятъ имъ тѣмъже, хотя наружно и высказываютъ глубочайшее уваженіе. Вслѣдствіе именно такого характера взаимныхъ отношеній, самоѣды никогда не въѣзжаютъ въ городъ иначе, какъ партіями, да и то вечеромъ, когда горожане уже разбредутся по домамъ, и улицы пусты; за то и сургутянинъ не всякій рѣшится пойти безъ ножа или ружья въ самоѣдское становище. По этой-же причинѣ и торговля въ ярмарку производится ночью, т.-е., повидимому, въ самое неудобное время. Остяки бываютъ въ городѣ и днемъ, и даже въ одиночку, хотя все-таки предпочитаютъ ходить партіями.

Семейный бытъ сургутянъ простъ и патріархаленъ. Мужъ — глава дома, и ему безпрекословно и покорно подчиняются всѣ. Власть поддерживается при помощи кулака, отъ котораго въ семьѣ

никто не избавленъ, а женщины, пожалуй, даже чаще другихъ испытываютъ на себѣ его дѣйствіе, такъ-какъ больше находятся дома. Вообще, въ семейномъ быту сургутянинъ суровый и жестокій деспотъ, не терпящій противорѣчій, а тѣмъ менѣе ослушаній. Положеніе женщины очень тяжело: всѣ домашнія и многія другія работы лежатъ на ней, и она съ утра до ночи не имѣетъ отдыха; въ ея жизнь не проникаетъ ни одного луча свѣта, могущаго хоть сколько-нибудь скрасить ее. Взрослыя дѣти поставлены нѣсколько лучше: сыновья, находясь большей частью внѣ дома, ведутъ сравнительно независимую жизнь; дѣвушки-же вполнѣ раздѣляютъ участь матери.

Отношенія половъ между собой, говоря относительно, свободны и просты, и сургутская молодежь не отличается пуританской строгостью. Дѣвушка, имѣющая дѣтей—явленіе, совсѣмъ нерѣдкое, и это обстоятельство ничуть не мѣшаетъ ей выйти замужъ. „Извѣстно, дѣло молодое, дѣвичье", говорятъ по этому поводу сургутяне—„вѣнецъ все прикроетъ". Но разъ дѣвушка вышла замужъ всякой свободѣ отношеній конецъ, и рѣдко можно встрѣтить замужнюю женщину, которая „гуляла-бы на сторонѣ". Это считается однимъ изъ тяжкихъ грѣховъ, и такая женщина пользуется общимъ презрѣніемъ. Проституціи въ собственномъ смыслѣ не существуетъ; хотя въ полиціи каждая дѣвушка, имѣющая дѣтей, и считается проституткой, но сургутяне, не придаютъ этому никакого значенія, развѣ только кто-нибудь подсмѣется надъ такой дѣвушкой, но и то добродушно.

Общественныя увеселенія въ Сургутѣ въ большомъ ходу. Зимою, въ свободное время, постоянно собираются вечерки, на которыхъ поютъ пѣсни и пляшутъ. Танцы неуклюжи и нелѣпы—въ нихъ часто подражаютъ движеніямъ различныхъ животныхъ и птицъ. На Рождественскихъ праздникахъ молодежь, какъ и въ другихъ городахъ, маскируется и толпами ходитъ изъ одного дома въ другой, причемъ разыгриваются маскированными цѣлыя сцены, изъ которыхъ наибольшей популярностью пользуются „Царь Максимиліанъ" и „Лѣнивый баринъ", Богъ вѣсть когда и кѣмъ занесенныя въ Сургутъ.

VII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Причины возникновенія Сургута.—Что дала краю русская колонизація.—Условія развитія края.

На предыдущихъ страницахъ мы старались съ различныхъ сторонъ обрисовать народную жизнь, ея условія и формы въ Сургутскомъ краѣ. Въ общемъ получается невеселая картина: куда-бы ни взглянули, вездѣ представляется убожество, на всемъ лежитъ печать какой-то фальши, ненужности.

Въ самомъ дѣлѣ, какія условія загнали горсточку русскихъ въ лѣсную трущобу, населенную дикарями? Чѣмъ прельстила русскихъ людей вѣчно мерзлая, пустынная тундра? Мы думаемъ, въ самыхъ условіяхъ возникновенія Сургута слѣдуетъ искать разгадки того, что современнаго наблюдателя часто приводитъ въ крайнее недоумѣніе.

Сургутъ не выросъ естественнымъ путемъ, изъ народныхъ потребностей, онъ явился вполнѣ искусственнымъ созданіемъ, продуктомъ административно-военныхъ соображеній. Мѣстныя условія ничѣмъ не оправдывали его возникновенія и ничего не могли дать для поддержанія его, и правительству пришлось, создавши городъ еще и содержать его на свой счетъ. Дикари, для обузданія строптивости которыхъ понадобилось образованіе казачьяго поселенія, давно были не только усмирены, но и доведены до покорности домашняго животнаго; въ казачьей командѣ давно миновала надобность, а казна продолжала тратить и тратить деньги на Сургутъ—кормила его населеніе, одѣвала и платила ему хоть немного. Когда, много лѣтъ спустя, для всѣхъ стало очевиднымъ, что Сургутъ вовсе не „грозный острогъ", а просто „пустое мѣсто", его стали населять новымъ элементомъ—каторжниками, отбывшими срокъ наказанія, а деньги все-таки тратились и тратились. Наконецъ, въ 60-хъ годахъ была прекращена туда уголовная ссылка, а въ 80-хъ—уничтожена казацкая команда, и начали постепенно уменьшаться размѣры правительственной помощи насе-

ленію, пройдетъ еще десятокъ—другой лѣтъ, и населеніе будетъ вполнѣ предоставлено собственнымъ силамъ и участи. Не смотря на всѣ затраты, на всѣ усилія сдѣлать изъ Сургута какой-то центръ, онъ какъ былъ, такъ и остался пустымъ мѣстомъ до-днесь.

Что-же дала краю такая колонизація? Ничего въ смыслѣ положительномъ. Будучи поставлено сразу въ условія, совершенно не похожія на тѣ, въ которыхъ оно жило прежде, населеніе, естественно, не могло сразу приспособиться къ новымъ требованіямъ жизни. Благодаря самому положенію своему въ качествѣ завоевателей, да еще живущихъ на счетъ казны, казаки навсегда остались чуждыми мѣстному населенію и его интересамъ. Притомъ-же и оторванность отъ остальнаго міра оказала свое вліяніе, и населеніе постепенно начало утрачивать основныя черты прежняго образа жизни и характера. Казенное содержаніе давало возможность жить, не работая или работая возможно мало, сосѣдство „очень ужь простаго дикаря—съ одной стороны, и досугъ, который дѣвать некуда—съ другой, все это измѣняло казака, постепенно прививало ему тѣ несимпатичныя черты, которыя замѣчаются въ немъ теперь—лѣность, жадность къ деньгамъ, презрѣніе къ труду. Подъ вліяніемъ такой обстановки, потребности все болѣе и болѣе сокращались, земледѣльческія занятія оставлены—ихъ замѣнили промыслы, общеніе съ инородцами привило новыя черты, и населеніе обостячилось и утратило многое изъ того, что принесло съ собой—его культура была побѣждена культурой остяковъ. Такимъ образомъ, сами сургутяне не только ничего не выиграли отъ занятія края, а, напротивъ, утратили даже то, что имѣли раньше.

Еще меньше выиграло отъ этой колонизаціи коренное населеніе края—остяки. Выше мы уже видѣли, въ какомъ состояніи живетъ теперь остякъ, а между тѣмъ, по немногимъ, дошедшимъ до насъ, историческимъ даннымъ, это племя, въ моментъ появленія русскихъ на сценѣ, представляло собою сильный, богатый, хорошо живущій народъ; его культура въ то время была выше теперешней. И все это принесено въ жертву русской колонизаціи: вмѣсто сильнаго и богатаго племени, осталось нѣсколько тысячъ нищихъ, спустившихся почти до скотскаго существованія, оборван-

ныхъ, пьяныхъ, страдающихъ сифилисомъ и тому подобными болѣзнями.

По-истинѣ грустные результаты! Стоило-ли ради нихъ колонизовать край? Намъ могутъ возразить, что это неизбѣжный результатъ *всякой* колонизаціи: всегда высшая культура, побѣждая низшую, уничтожаетъ представителей послѣдней путемъ сліянія двухъ племенъ, или путемъ постепеннаго вымиранія низшей расы—таковъ законъ природы. Пусть будетъ такъ, но вѣдь въ данномъ случаѣ передъ нами явленіе совершенно иного рода: представители *высшей* культуры побѣждены представителями *низшей* и въ значительной степени восприняли ее: это во-первыхъ; а во-вторыхъ, мы видимъ рядомъ двухъ колонистовъ: городскаго сургутянина и деревенскаго, почему они представляютъ собою два различныхъ типа? Почему деревенскій, хотя медленно, съ трудомъ, но все-таки подчиняетъ себѣ природу и отвоевываетъ у ней все больше простора для существованія по собственному выбору, а горожанинъ, на-оборотъ, все болѣе и болѣе подчиняется ей, отказываясь отъ всего того, что не соотвѣтствуетъ вполнѣ внѣшнимъ условіямъ?

Темно прошлое сургутскаго края, неприглядно и его настоящее. Что-же ждетъ его въ будущемъ? Сольется-ли русскій съ остякомъ, и ихъ развитіе пойдетъ совмѣстно, или остякъ окончательно вымретъ, уступивъ ему свое мѣсто? Трудно, конечно, заглядывать въ будущее народа вообще, а тѣмъ болѣе народа, о которомъ такъ мало еще собрано фактическихъ данныхъ, тѣмъ не менѣе мы рѣшаемся высказаться объ этомъ предметѣ. Принимая во-вниманіе все, что извѣстно намъ объ этомъ краѣ, мы приходимъ къ печальнымъ выводамъ.

Сургутянинъ[1]) уже и теперь жалуется, что жить становится все труднѣе—казенная помощь скоро совсѣмъ прекратится, доходность промысловъ уменьшается съ каждымъ годомъ. Такимъ образомъ, хотя населеніе пока еще и живетъ богато, но въ недалекомъ будущемъ его ждетъ кризисъ, исходъ котораго очень сомни-

[1]) Здѣсь мы беремъ въ разсчетъ только городское населеніе, такъ какъ нѣсколько сотъ крестьянъ, разбросанныхъ по округу на тысячи верстъ, врядъ-ли могутъ играть серьезную роль въ жизни края.

теленъ. Надѣяться на торговлю съ инородцами также не приходится—съ нихъ уже и теперь мало что можно взять, а съ уменьшеніемъ доходовъ отъ промысловъ и вовсе ничего не возьмешь. Придется и русскимъ, и остякамъ пріискивать новые источники существованія, которые болѣе удовлетворяли-бы ихъ, нежели промыслы. Надѣяться на успѣхъ такихъ поисковъ очень трудно—ужь если теперь они не умѣютъ пользоваться окружающими ихъ природными богатствами, то тогда, когда предпріятія крупныхъ рыбопромышленниковъ и иныхъ представителей капитала еще больше разовьются, имъ и совсѣмъ не по силамъ будетъ справиться съ этой задачей. Придется подчиниться теченію событій, т.-е. подвергнуться медленному вымиранію—мы имѣемъ въ виду не однихъ остяковъ, но и русскихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ замретъ и край: капиталъ, исполнивъ свое назначеніе и быстро ограбивъ внѣшнюю природу, уйдетъ въ другое, болѣе подходящее мѣсто.

Таково, по нашему мнѣнію, вѣроятное будущее края. Предотвратить его возможно только двумя путями: измѣненіемъ внѣшнихъ условій народной жизни, развитіемъ среди русскаго и остяцкаго населенія края знаній въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова—умственныхъ и нравственныхъ, тогда, обогащенный знаніями, имѣя основой своей жизни такія формы, какъ община и артель, сургутянинъ съумѣетъ выбиться на прямой путь прогресса; или-же надо вызвать новый притокъ колонистовъ, но на этотъ разъ вольныхъ, богатыхъ энергіей и знаніемъ; такіе колонисты могли-бы оживить край, вдохнуть въ него душу. Иного выхода мы не видимъ, а такъ какъ ни на внезапное развитіе, ни на потокъ колонизаціоннаго движенія въ ближайшемъ будущемъ разсчитывать нельзя, то будущее описаннаго нами края, по нашему мнѣнію,—это медленное, мучительное вымираніе.

С. Швецовъ.

